

О ЗЛЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ ТАТАРЩИНЫ

и

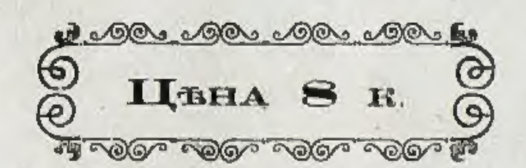
О СТРАШНОМЪ

МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

СОЧИНЕНІЕ

К. Бестужева-Рюмина.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1891.

О ЗЛЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ ТАТАРЩИНЫ

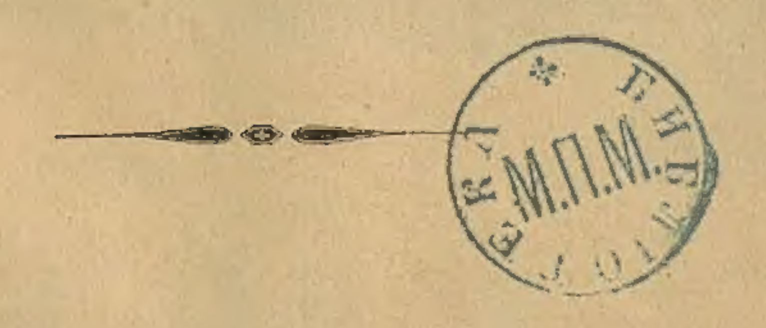
и

О СТРАШНОМЪ МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

сочиненіе

К. Бестужева-Рюмина.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Марта 1891 г.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.

О ЧЕМЪ ВЪ ПОВѢСТИ РАЗСКАЗАНО.

Кто были татары и откуда пришли.—Первая съ ними встрѣча и несчастная битва русскихъ на рѣкѣ Калкѣ. — Татары прямо на Русь идутъ.—Про Батыя и про неистовства его въ Рязани.— Ужасы во Владимірѣ.—Русскій богатырь Евпатій Коловратъ.— Битва при рѣкѣ Сити.— Про злой городъ.—Про городъ Сарай.— Татары въ Кіевѣ.—Вся Русская земля покорена.—Про мученія святаго князя черниговскаго Михаила и боярина его Ѳеодора.— Князья русскіе идутъ кланяться въ орду поганую.—Про Даніила, князя галицкаго. — Тяжело стало русской землѣ. — О правежахъ и о кнутѣ.—О томъ, сколь боялись татаръ русскіе люди.— Про злодѣя Ахмата.—Русскіе князья промежъ себя ссорятся.— О томъ, какъ страшно было жить въ то время.—Плачъ Серапіона.— Гдѣ спасались люди тогдашніе.—Про монастыри.—Святой Варлаамъ хутынскій.—Святой Прокопій-юродивый, чудотворецъ устюжскій.—Святой Стефанъ, просвѣтитель идолопоклонниковъ пермской стороны.—Святой Сергій, радонежскій чудотворецъ.—Про Петра, царевича ордынскаго или татарскаго.—Святой Михаилъ, тверской князь, замученный татарами въ ордѣ.—Избіеніе татаръ въ Твери.— Какъ зачиналась Москва.—Святой митрополитъ Петръ.—Митрополитъ Ѳеогностъ.—Святой митрополитъ Алексѣй, второй московскій чудотворецъ.—Про безбожнаго Мамая.—Мамай идетъ на Русь.—Дмитрій Донской ополчается, съ нимъ поднимается вся Русская земля.—Святой Сергій благословляетъ.—Грозная суббота и страшная битва на Куликовомъ полѣ.—Про русскихъ богатырей и про татарскаго.—Спасеніе Русской земли.

ТАТАРЩИНА И МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

Кто не слыхалъ объ томъ, что когда-то приходилъ на русскую землю татарскій царь Мамай и что русскій государь Дмитрій Ивановичъ Донской разбилъ его за Дономъ, за что и названъ Донскимъ. Въ память этого побоища установлено поминать побитыхъ въ роды и роды въ дмитріевскую субботу. Что это за царь Мамай, и за чѣмъ онъ приходилъ?

Еще за полтораста лѣтъ до нашествія Мамая (а приходилъ онъ въ 1380 отъ Рождества Христова, стало быть скоро будетъ тому 500 лѣтъ), Русскую землю завоевали татары и заставили платить себѣ дань или подати. Случилось это вотъ какъ: тогда Россія не была, какъ теперь, однимъ большимъ государствомъ, а чуть не въ каждомъ городѣ былъ свой князь: въ Кіевѣ свой, въ Черниговѣ свой, во Владимірѣ свой, въ Рязани—свой; то же было и въ другихъ городахъ. Князья эти—всѣ родные между собою—должны были всѣ слушаться старшаго, который жилъ въ Кіевѣ; но скоро начались между ними споры о томъ, кому быть старшимъ, а потомъ всякій захотѣлъ быть совсѣмъ вольнымъ, ни отъ кого не зависѣть. Тогда началось такое время, когда кто былъ силенъ, тотъ былъ и правъ. Въ этихъ-то ссорахъ гибло много народа и бѣднѣла земля. А сосѣди, особенно тѣ, которые кочевали въ степяхъ (какъ теперь калмыки)—а тогда степи были населены такими народами отъ Дона до Днѣпра и по берегу Чернаго моря—сосѣди приходили грабить и раззорять города. Иногда же сами князья другъ противъ друга нанимали этихъ степныхъ разбойниковъ, которые ни земли не пахали,

ни промысломъ никакимъ не занимались, а только грабили другихъ. Самый сильный изъ этихъ народовъ назывался половцы. Разъ (въ 1223 г.) пришли къ русскимъ князьямъ половцы просить помощи противъ новаго народа, который напалъ на нихъ. Народъ этотъ былъ татары. Жили эти татары въ теперешней Сибири, около устьевъ рѣки Амура, которую недавно забрали мы за себя; жили они такъ-же, какъ половцы. Вдругъ появился у нихъ ханъ (такъ назывались у нихъ цари); хану этому, звали его Чингисъ-ханомъ—не сидѣлось на мѣстѣ: онъ завоевалъ разные слабые народы, которые жили около; собралъ у себя разныхъ удальцовъ и тогда возгордился и вздумалъ завоевать весь міръ. Войско его шло къ Дербенту, что за Кавказомъ, встрѣтилось здѣсь съ половцами и погнало ихъ передъ собою. Тогда-то половцы пришли къ русскимъ князьямъ просить помощи.

Одинъ изъ половецкихъ князей, Котянъ, былъ тестемъ князю Мстиславу Мстиславичу, владѣвшему тогда въ Галичѣ. (Галичъ—земля около Венгріи, прежде была русская; потомъ завладѣли ею поляки, а теперь владѣютъ нѣмцы, но народъ тамъ русскій). Мстислава знали всѣ по его храбрости: гдѣ сильный обижалъ слабаго или гдѣ русскихъ обижали другіе народы, Мстиславъ всегда являлся и помогалъ; такъ и теперь онъ прогналъ венгровъ изъ Галича. Къ этому-то Мстиславу пришелъ Котянъ, принесъ ему дары и сказалъ: «Нынче нашу землю взяли Татары, а завтра придутъ и возьмутъ вашу, такъ помогите намъ. Если не поможете, то они перебьютъ насъ сегодня, а завтра васъ перебьютъ». Мстиславъ, подумавъ, сталъ уговаривать другихъ окольныхъ князей русскихъ помочь половцамъ. «Если мы не поможемъ—говорилъ онъ—то они соединятся между собою и сила ихъ будетъ еще больше». Князья, собравшіеся на совѣтъ въ Кіевѣ, согласились сдѣлать такъ, какъ говорилъ Мстиславъ, и стали собираться въ походъ.

Самыми старшими изъ собравшихся князей были три Мстислава: кіевскій Мстиславъ Романовичъ, черниговскій Мстиславъ Святославичъ и галицкій Мстиславъ Мстиславичъ, а изъ младшихъ самый храбрый былъ Даніилъ Романовичъ, князь волынскій (нынче Волынская губернія); а самый сильный—князь владимірскій Юрій Всеволодовичъ—въ совѣтѣ не участвовалъ; говорятъ, будто послѣ послалъ онъ свою помощь, да было уже поздно.

Когда татары узнали, что русскіе идутъ противъ нихъ, они послали сказать имъ: «Мы слышали, что вы, послушавшись половцевъ,

идете на насъ; а мы не трогали ни вашей земли, ни вашихъ городовъ и селъ и пришли не на васъ, а на нашихъ рабовъ и конюховъ, поганыхъ половцевъ. Помиритесь съ нами, потому что мы не съ вами воюемъ. Если половцы побѣгутъ къ вамъ, то бейте ихъ и отнимайте ихъ имущество. Мы слышали, что и вамъ надѣлали они много зла, за то и пришли на нихъ». Князья наши не послушали татаръ, избили пословъ и, не дошедъ до Олешья (теперь Алешки, городъ Таврической губерніи) стали на Днѣпрѣ; сюда опять пришли къ нимъ послы отъ татаръ и сказали: «Если послушались половцевъ, избили нашихъ пословъ и идете противъ насъ, то идите, а мы васъ не трогали. Богъ насъ разсудитъ». Князья пощадили этихъ пословъ.

Когда всѣ рати сошлись въ этомъ сборномъ мѣстѣ, Мстиславъ Мстиславичъ переправился черезъ Днѣпръ, напалъ на татарскихъ сторожей и побилъ ихъ. Вслѣдъ за тѣмъ на тысячѣ лодокъ переправилась вся рать черезъ Днѣпръ. Татары прислали своихъ соглядатаевъ посмотрѣть на русское войско. Даніилъ Романовичъ съ нѣкоторыми другими погнался за ними до татарской рати. Въ первый разъ увидѣвъ татаръ, иные говорили: «стрѣлки они пуще половцевъ»; а другіе считали ихъ простыми людьми. Возвратясь, молодые князья сказали старшимъ: «Мстиславъ! и ты, Мстиславъ, не стойте, пойдемъ противъ». Князья перешли Днѣпръ и на коняхъ вошли въ половецкую степь, встрѣтили татаръ и отогнали у нихъ скотъ.

Татары, куда бы ни приходили, гнали съ собою стада, потому что скотоводство было ихъ промысломъ: оно-то питало ихъ; въ городахъ и селахъ они не жили, а разбивали себѣ кибитки въ степи и стояли на одномъ мѣстѣ, покуда скотъ не поѣстъ всю траву, и потомъ шли дальше. Когда они стали богаче и завели торговлю, то зимой жили въ городахъ, а лѣтомъ шли кочевать.

Черезъ 8 дней послѣ того дошли наши князья до рѣки Калки (теперь Калецъ, близъ Маріуполя, въ Екатеринославской губерніи). Мстиславъ велѣлъ спачала переправиться Даніилу, а самъ перешелъ послѣ него. Когда показались полки татарскіе, то онъ велѣлъ своимъ вооружаться, а князьямъ кіевскому и черниговскому ни о чемъ не далъ знать: онъ былъ тогда съ ними въ ссорѣ. Эти-то ссоры князей и губили больше всего Русскую землю. Когда сошлись оба войска, Даніилъ выѣхалъ напередъ, былъ раненъ, но, по молодости и сгоряча, не замѣтилъ своей раны. Даніилъ уже побѣжалъ, какъ вдругъ

половцы, бывшіе въ русской рати, побѣжали и потоптали, на бѣгу, станъ русскихъ князей и смяли русскіе полки; сѣча была лютая и русскіе не устояли. Даніилъ, увидя побѣду татаръ, тоже повернулъ коня: на пути захотѣлось ему пить; онъ зачерпнулъ воды и только тогда замѣтилъ свою рану. Мстиславъ, князь кіевскій, видѣлъ все это, но, продолжая гнѣваться, не пошелъ на помощь къ своимъ, а построивъ изъ кольевъ городокъ надъ рѣкою, три дня отбивался отъ татаръ; наконецъ, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со Мстиславомъ черниговскимъ. Татары положили на нихъ доски, сѣли на нихъ обѣдать и такъ задавили ихъ. Мстиславъ Мстиславичъ, переѣхавъ черезъ Днѣпръ, сжегъ лодки и тѣмъ спасся. Говорятъ, что однихъ кіевлянъ убито въ этомъ бою 10,000 человѣкъ. Татары вошли въ самую Русскую землю и убивали жителей тѣхъ городовъ, которые выходили къ нимъ на встрѣчу съ крестомъ и просьбою о пощадѣ. Вдругъ получили они приказаніе возвратиться домой: хану ихъ понадобилось войско для войнъ съ сосѣдями. Нѣсколько лѣтъ не было ничего слышно о татарахъ; князья русскіе думали, что они уже больше не воротятся и что они такъ же безъ слѣда исчезли, какъ и неожиданно явились.

Въ 1237 году, завоевавъ землю Болгарскую (гдѣ теперь Казань) и Мордовскую (въ Пензенской и Нижегородской губерніяхъ), татары опять пошли на Русь. Новый ханъ, Октай, наслѣдникъ Чингисъ-хана, который завѣщалъ ему щадить только покорныхъ, послалъ племянника своего, Батыя, завоевать землю около Каспійскаго моря. Изъ мордовской земли татары вступили въ рязанскую и послали къ князьямъ *жену-чародѣйку* (можетъ быть шаманку, какія и теперь существуютъ въ Сибири) и съ нею двухъ пословъ— требовать отъ князей десятой доли ихъ имуществъ. Князья рязанскіе, выѣхавъ на рѣку Воронежъ, отвѣчали имъ: «Коли всѣхъ насъ не будетъ, то все ваше будетъ», а сами послали съ просьбою о помощи къ владимірскому князю Юрію Всеволодовичу. Юрій ни помощи не прислалъ, ни самъ не пришелъ: онъ думалъ отбиться одинъ, надѣясь на свою силу, и помогать Рязани не хотѣлъ потому, что желалъ бы ее ослабить, чтобы послѣ ею же завладѣть. Когда услыхалъ князь Юрій Ингваревичъ рязанскій, что отъ владимірскаго великаго князя не будетъ ему помощи, то собралъ на совѣтъ своихъ родственниковъ, князей: муромскаго, коломенскаго и пронскаго, и рѣшили они утолить Батыя дарами. Съ дарами послалъ князь Юрій сына своего князя Ѳедора. Батый дары принялъ, но потребовалъ,

говорятъ, чтобы ему отдали князья своихъ женъ; особенно хотѣлъ онъ завладѣть женою князя Ѳедора; за отказъ велѣлъ онъ убить князя Ѳедора. Княгиня Евпраксія, жена Ѳедора, когда услыхала, что̀ сдѣлали съ ея мужемъ, бросилась внизъ съ высокаго терема и *зара̀зилась* (т. е. убилась до смерти). На томъ мѣстѣ построили потомъ городъ Зарайскъ. Князь Юрій увидѣлъ тогда, что добромъ съ татарами не кончить и вышелъ на границы своего княжества; бой былъ сильный; храбро бились рязанцы, но на каждаго рязанца приходилась сотня татаръ. Одолѣлъ Батый и избилъ всѣхъ князей, которые были въ бою; въ плѣнъ взяли только Олега-*краснаго* (т. е. красиваго). Хотѣлъ Батый сдѣлать Олега своимъ, да не поддался Олегъ: и разъяли его за то ножами. И пошли татары на Рязань (теперь село *Старая Рязань*, верстахъ въ 7-ми отъ города), грабили, жгли города и села и избивали народъ. Взяли и Рязань, декабря 21, и избили всѣхъ жителей. Некому было ни стонать, ни плакать: ни отцу, ни матери о любимыхъ чадахъ, ни брату по братѣ, ни родному по родномъ—всѣ вмѣстѣ лежали мертвые.

Покончивъ съ Рязанью, пошли татары ко Владиміру, а князь Юрій ушелъ въ теперешнюю Ярославскую губернію къ рѣкѣ Сити, гдѣ поджидалъ къ себѣ братьевъ и собиралъ войско. Тогда войско собиралось труднѣе, чѣмъ теперь: войско тогда было то же, что̀ ополченіе; всегда на службѣ считались только дворяне, которымъ вмѣсто жалованья, давали землю и за то они должны были приводить съ собою, сколько приходилось, воиновъ. По дорогѣ татары взяли Москву, тогда еще маленькій городокъ, гдѣ захватили сына князя Юрія, князя Владиміра и плѣннымъ повели его къ Володиміру. Къ этому городу подступили они февраля 3-го 1238 года и обступили его какъ саранча. Когда татары потребовали, чтобы городъ сдался, владимірцы и не подумали сдаваться. Татары же, пріѣхавъ къ *Золотымъ Воротамъ* (такъ называлась и до-сихъ-поръ называется во Владимірѣ башня со въѣздными въ городъ воротами) и поставивъ передъ собой княжича, стали спрашивать: «здѣсь ли князь Юрій?» Владимірцы начали стрѣлять изъ луковъ стрѣлами (пороха, ружей и пушекъ тогда не знали), а стѣны разбивали *таранами*, *пороками*—особыми машинами. Татары отвѣчали также стрѣлами и потомъ сказали владимірцамъ: «не стрѣляйте». Когда горожане перестали, татары спросили ихъ: «Знаете ли княжича вашего?» Владиміръ былъ очень блѣденъ и худъ отъ плѣнной истомы, но братья, тоже стоявшіе съ другими на Золотыхъ Воротахъ, узнали брата и, за-

плакавъ, хотѣли идти выручить его; но воевода Петръ, бывшій съ ними, отговорилъ ихъ дѣлать вылазку.

Татары между тѣмъ раздѣлились: часть пошла къ Суздалю, взяла и сожгла этотъ городъ, а часть осталась у Владиміра. Февраля 6-го, въ субботу, передъ масляницею, стали татары ставить пороки и лѣса. Княжичи, увидя, что городъ долженъ быть взятъ, постриглись въ монахи. На другой день городъ былъ взятъ и зажженъ. Епископъ Митрофанъ съ княгинями заперся въ храмѣ Св. Богородицы. Епископъ началъ молиться: «Господи, Боже силъ, Свѣтодавче, сѣдяй на херувимѣхъ и научивый Іосифа, и укрѣпивый Давида пророка на Голіаѳа, воздвигнувый Лазаря четверодневнаго изъ мертвыхъ! простри руку твою невидимую и пріими съ миромъ души рабъ твоихъ!» Татары, между тѣмъ, отбили и отворили двери церковныя, наволокли лѣса около церкви и въ самую церковь и зажгли ее; много народа задохлось въ пожарѣ; иные были избиты мечемъ, а святую церковь татары разграбили и чудную икону Владимірскія Божія Матери ободрали. Отъ Владиміра пошли они въ разныя стороны жечь и грабить города, а главная толпа татарская пошла отыскивать князя Юрія. Когда Юрій узналъ, что̀ случилось во Владимірѣ, то началъ молиться со слезами и въ печали говорилъ: «Охъ мнѣ, владыко, зачѣмъ я одинъ остался!»

Въ то время возвращался изъ Чернигова въ Рязань бояринъ рязанскій, Евпатій Коловратъ. Услыхавъ что̀ случилось, собралъ онъ, говорятъ, изъ оставшихся рязанцевъ 1,700 человѣкъ рати, настигъ Батыя въ землѣ Суздальской и нечаянно напалъ на его орду; замѣшались татары, какъ-будто пьяные и безумные. Евпатій до того, говорятъ, билъ татаръ, что мечи у него притупились; татары считали его рать за воскресшихъ мертвецовъ, схватили пятерыхъ рязанцевъ и спросили ихъ: «Какой вы вѣры и какой земли? За что намъ дѣлается зло?»—«Вѣры мы христіанской, рабы князя рязанскаго Юрія; послалъ насъ Евпатій, тебя, царя сильнаго, почтить и проводить». Послалъ Батый противъ Евпатія богатыря Хоздровула. Евпатій же въ сѣчи разрубилъ его пополамъ. Тогда татары окружили Евпатія и убили его. Дружину его, говорятъ, отпустили невредимо, дивясь ея мужеству.

Между тѣмъ татары приближались къ Сити. Услыхавъ объ этомъ, князь Юрій отложилъ всю печаль, пошелъ имъ на встрѣчу и былъ убитъ въ бою; братьевъ съ нимъ не было, а племянникъ его, Василько, взятъ былъ татарами въ плѣнъ живой и нудили они его

соединиться съ ними; но Василько твердо стоялъ на своемъ и умеръ съ молитвою: «Господи, Іисусе Христе Вседержителю! пріими духъ мой, да и азъ почію въ славѣ Твоей». Было это марта 4-го. Тѣло Юрія нашелъ епископъ ростовскій Кириллъ, возвращавшійся на свой престолъ съ Бѣлоозера, и привезъ его въ Ростовъ, а тѣло Василька нашла въ лѣсу одна женщина и обвила его плащаницею. Когда узналъ объ этомъ Кириллъ, онъ перевезъ и его. Отъ Сити пошли-было татары на Новгородъ, который тогда былъ богатъ и силенъ, но, испугавшись болотъ, вернулись, не дошедши ста верстъ. Повернувши отъ Новгорода, Батый пришелъ къ Козельску, гдѣ былъ малолѣтный князь Василій. Козельцы рѣшили защищаться, сказавши: «такъ какъ князь нашъ малъ, то положимъ за него животъ свой и здѣсь славу сего свѣта пріимемъ и тамъ наслѣдуемъ вѣнцы небесные отъ Христа Бога»—и стали рѣзать татаръ ножами; потомъ даже вышли изъ города, избили много татаръ, но и сами были избиты. Когда Батый взялъ городъ, онъ ни кого не помиловалъ, даже грудныхъ младенцевъ. Что было съ княземъ—не знаютъ: говорятъ что онъ утонулъ въ крови. Татары прозвали Козельскъ *злымъ городомъ*, потому что бились подъ нимъ семь недѣль. Оттуда Батый отступилъ на Волгу, гдѣ и кочевалъ со своей ордой въ степяхъ саратовскихъ; впослѣдствіи орда эта назвалась Золотою. Для зимы построили здѣсь ханы городъ Сарай (около Царева на Волгѣ).

На другой годъ рати татарскія опять появились на Руси: сожгли Переяславль (въ Полтавской губерніи) и Черниговъ, а въ 1240 г. пришли къ Кіеву. Говорятъ, что татары прежде посылали посмотрѣть на городъ и удивлялись красотѣ его. Кіевомъ въ то время завладѣлъ Даніилъ, сдѣлавшійся тогда княземъ галицкимъ. Это тотъ самый Даніилъ, который такъ храбро бился на Калкѣ. Самъ онъ не остался въ городѣ, а посадилъ здѣсь своего воеводу Дмитрія. Батый самъ обступилъ городъ; войска у него было такъ много, что люди городскіе не могли слышать другъ друга отъ скрыпа телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія конскаго, и вся область наполнилась ратными людьми. У воротъ Лядскихъ татары поставили пороки, прорвались; городскіе люди сильно отбивались; самъ Дмитрій былъ раненъ; но, ворвавшись, татары все-таки нашли новое укрѣпленіе вокругъ храма Св. Богородицы (храмъ этотъ построилъ еще Св. Владиміръ и назвалъ Десятиннымъ, потому что на содержаніе его шла десятая часть доходовъ Русской земли). Но въ главахъ церкви, въ придѣлахъ, скопилось слишкомъ много народа; повалились главы, а съ ними и

стѣны, и на Николинъ день татары взяли городъ. Дмитрія не убили за мужество его, а раненаго взяли въ плѣнъ. Оттуда пошелъ Батый на землю Волынскую и Галицкую. Даніилъ ушелъ въ Венгрію. Дмитрій, жалѣя Русскую землю, началъ подговаривать Батыя идти на Венгрію, говоря: «не медли здѣсь: тебѣ пора идти на Венгрію; если же помедлишь, то они соберутъ войско; земля та очень сильна и не впустятъ тебя венгры въ свою землю». Батый послушался совѣта, пошелъ на Венгрію и пробылъ тамъ три года.

Возвратясь изъ похода, Батый разставилъ по всей русской землѣ своихъ начальниковъ (баскаковъ) и потребовалъ, чтобы тѣ князья, которые остались въ живыхъ, ѣхали къ нему въ орду на поклоненіе, и нѣкоторыхъ, какъ владимірскаго князя Ярослава, послалъ на поклонъ къ великому хану въ Китайскую Татарію.

Какъ обходились съ нашими князьями у татаръ—можно видѣть изъ разсказа о мученіяхъ святаго князя Михаила черниговскаго.

Еще не ходя въ орду, Михаилъ слышалъ, что татары, прежде чѣмъ приведутъ къ хану, заставляютъ пройти между двухъ огней, чтобы очиститься отъ всѣхъ вредныхъ для хана намѣреній, а потомъ поклониться солнцу и огню. Михаилъ рѣшился не исполнять этого обряда, неприличнаго для христіанина, хотя другіе князья и подчинялись ему, изъ страха и ради мірскихъ выгодъ. Михаилъ же хотѣлъ лучше пострадать за Христа, чѣмъ быть отступникомъ отъ вѣры. Когда онъ пришелъ къ Батыю, ханъ велѣлъ волхвамъ своимъ его именемъ потребовать отъ Михаила исполненія обряда. Волхвы пришли звать Михаила къ хану. Михаилъ пошелъ съ ними; но когда дошли они до двухъ разложенныхъ костровъ, между которыми слѣдовало проходить, Михаилъ отказался и сказалъ: «Не подобаетъ намъ, христіанамъ, проходить сквозь огонь и поклоняться солнцу и огню; мы поклоняемся Господу нашему Іисусу Христу. Тебѣ же, царю, человѣку смертному, но имѣющему власть, мы воздаемъ честь и поклоненіе, ибо вручено тебѣ царство отъ Бога и власть міра сего, скоро погибающаго; но ты никогда не принудишь насъ отвратиться отъ Христа Бога и поклониться твоимъ несуществующимъ богамъ: они — тварь Божія». Батый, удивясь его мужеству, послалъ уговаривать его своего приближеннаго Елдегу и сказать ему: «Послушайся меня: поклонись солнцу и лунѣ; если поклонишься—воздамъ тебѣ великую честь; не послушаешься—умрешь злою смертью». Михаилъ стоялъ на своемъ и прибавилъ: «А что царь обѣщаетъ мнѣ: княженіе и славу міра сего скоро-погибающаго, то все это непостоянно. Самъ царь

не знаетъ, что съ нимъ будетъ: сегодня онъ властитель, а завтра нищъ; сегодня здоровъ, а завтра боленъ; сегодня сіяетъ красотою плотскою, а завтра смердитъ гноемъ и червями; сегодня живъ, а завтра умеръ». Елдега дивился мудрости Михаила, но грозилъ ему смертью; Михаилъ же сказалъ: «Готовъ умереть ради Христа, Бога моего; нагимъ вышелъ изъ чрева матери, нагъ и отъиду». Бывшіе съ нимъ начали уговаривать его покориться; только бояринъ Θеодоръ подкрѣпилъ его намѣреніе пострадать за Христа. Потомъ Михаилъ причастился святыхъ таинъ и велѣлъ Елдегѣ объявить Батыю: «богамъ твоимъ не поклонюся и не послужу и повелѣнія твоего беззаконнаго не послушаю». Батый разъярился и велѣлъ казнить Михаила лютыми казнями. Долго мучили его и, наконецъ, одинъ отступникъ отрубилъ ему голову. Вслѣдъ за нимъ замученъ былъ и его бояринъ Θеодоръ. Было это сентября 20-го 1246 года.

Въ Новгородѣ былъ въ то время княземъ Александръ Ярославичъ, сынъ великаго князя владимірскаго, племянникъ того Юрія, котораго убили на Сити. Александръ разбилъ шведовъ при впаденіи Ижоры въ Неву, за что и названъ Невскимъ; разбилъ и нѣмцевъ на льду Чудскаго озера; но и этотъ долженъ былъ ѣхать къ Батыю. Прислалъ къ нему Батый въ Новгородъ сказать: «Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы; ты ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? Хочешь соблюсти свою землю, приди, поклонися и увидишь славу и честь царства моего». Александръ, благословясь у ростовскаго епископа Кирилла, пошелъ въ орду. Батый принялъ его съ честью, сказавъ: «Нѣтъ подобнаго этому князю», и послалъ его къ великому хану.

Пришелъ, наконецъ, поклониться и Даніилъ галицкій. Вошелъ онъ въ кибитку хана; ханъ сказалъ ему: «Данило! почему давно не пришелъ? Хорошо, что теперь пришелъ. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылій кумысъ?» Онъ сказалъ: «Доселѣ не пилъ; нынче же, если велишь, выпью».—«Пей!» сказалъ Батый: «ты уже нашъ, татаринъ». Потомъ пошелъ поклониться ханшѣ,—та угостила его виномъ.

Такъ покорились русскіе князья татарамъ, и тяжело стало Русской землѣ!

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ завоеванія, татары велѣли пересчитать, сколько жителей въ Русской землѣ и обложили всѣхъ, кромѣ духовныхъ, поголовною податью. Часто отдавали эту подать на откупъ разнымъ купцамъ: бухарскимъ, армянскимъ и другимъ.

Откупщикъ, какъ наши бывшіе откупщики, платилъ хану что было назначено, а съ народа собиралъ сколько хотѣлъ. Говорятъ, что эти откупщики первые завели на Руси правежъ: того, кто не платитъ, били каждый день по нѣсколько часовъ сряду палками по икрамъ, пока онъ не заплатитъ. Съ татарскаго времени, кажется, начали у насъ бить кнутомъ; прежде о кнутѣ не было слышно. Все это дѣлалось въ тихое время. Что̀ же дѣлали татары, когда какой-нибудь князь (что̀ бывало иногда) звалъ ихъ на помощь противъ другого князя? Нѣкоторые князья и нѣкоторые города пробовали-было отбиваться отъ татаръ, да безъ общаго согласія трудно было совладать съ такою силою. А какъ боялись татаръ русскіе люди въ то время—покажетъ вотъ какой случай:

Въ Курскомъ княжествѣ держалъ на откупу всякія дани корыстолюбивый и лукавый Ахматъ, сынъ Темировъ, и много тягости было отъ него князьямъ и чернымъ людямъ въ Курской землѣ. Этого мало. Вздумалъ онъ построить слободы свои въ областяхъ князей рыльскаго Олега и Святослава липецкаго; а кто жилъ въ слободахъ, тотъ, по тогдашнему, не платилъ никакихъ податей, или пользовался какими другими льготами по суду, по данямъ: только работалъ на того, чья земля. Конечно, многіе селились въ эти слободы Ахмата, который обѣщалъ заступаться за нихъ во всякомъ случаѣ. Скоро слободы эти стали очень многолюдными, завелись въ нихъ торги, мастерства разныя и слобожане начали выходить на разбои, грабежи и опустошали вокругъ Рыльска и Липецка. Князья же Олегъ и Святославъ, бывшіе родственниками, хотя и ссорились между собою, но на этотъ разъ согласились и пошли жаловаться хану Телебугѣ, разумѣется, съ дарами: безъ даровъ нельзя было и приступиться къ татарскому хану. Телебуга далъ имъ позволеніе разрушить слободы. Олегъ и Святославъ, съ позволенія хана, послали рать, которая напала на слободы въ то время, какъ Ахмата не было дома, разграбила ихъ, а людей иныхъ побила, иныхъ, заковавъ въ цѣпи, увела въ свои земли. Ахматъ былъ тогда въ ордѣ у царя Нагая, врага Телебуги; у татаръ тогда уже (черезъ сорокъ лѣтъ по покореніи Руси) начались уже ссоры. Узнавши, что̀ безъ него случилось, Ахматъ нажаловался на Олега и Святослава Нагаю и сказалъ ему: «Князь Олегъ и сродникъ его, князь Святославъ, только по имени князья, а на дѣлѣ—разбойники, и тебѣ, царю, противники; а если не вѣришь мнѣ, то испытай: въ княжествѣ Олега много ловищъ лебединыхъ, пошли своихъ сокольниковъ, пусть наловятъ тебѣ лебе-

дей и позовутъ къ тебѣ Олега; если онъ исполнитъ твою волю, то я солгалъ, а онъ правъ». Царь послушался этого совѣта. Олегъ не пошелъ: онъ боялся быть въ отвѣтѣ передъ царемъ за то, что хотя самъ не грабилъ, а все-таки грабили его люди. Возвратясь, сокольники донесли обо всемъ царю и сказали: «Ахматъ правъ: и Олегъ и Святославъ—разбойники и не слушаются тебя. Когда мы ловили лебедей, Олегъ твоего слова не послушалъ и насъ обидѣлъ (здѣсь татаринъ приврал) и къ тебѣ не пошолъ». Нагай разгнѣвался, позвалъ Ахмата и сказалъ ему: «Князь Олегъ виноватъ передъ тобою и мнѣ врагъ; я посылаю на него рать и ты иди съ нею». Пославши рать свою, онъ велѣлъ воеводамъ опустошить княжество Олега, бояръ же его выдать головою Ахмату: пусть онъ дѣлаетъ съ ними что хочетъ, а самого князя привести въ Орду.

Татары пришли въ землю Олега января 13-го. Олегъ, услыхавъ объ этомъ, бѣжалъ съ женою и дѣтьми къ Телебугѣ, а Святославъ убѣжалъ въ землю Рязанскую. Татары гнались за ними и не догнали ихъ; но за то нагнали бояръ олеговыхъ и привели ихъ скованными въ слободы ахматовы, а землю всю ограбили. Бояръ этихъ Ахматъ, которому царь позволилъ дѣлать съ ними что̀ хочетъ, повѣсилъ ихъ на деревьяхъ, отрубивъ у каждаго правую руку. Попалось въ плѣнъ ошибкою нѣсколько купцовъ нѣмецкихъ и цареградскихъ: ихъ тотчасъ выпустили, сказавши: «Вы торгуете и ходите по разнымъ землямъ, то говорите всюду, что кто заспоритъ съ своимъ баскакомъ (сборщикомъ податей), тому будетъ то же, что и этимъ князьямъ». Самъ Ахматъ уѣхалъ къ Нагаю: не поймавши ни Олега, ни Святослава, онъ не смѣлъ оставаться въ своихъ слободахъ.

Въ слободахъ оставилъ Ахматъ двухъ своихъ братьевъ. Когда однажды пошли эти братья изъ одной слободы въ другую и съ ними служащихъ у нихъ русскихъ людей 35 человѣкъ, князь Святославъ задумалъ, не посовѣтовавшись съ Олегомъ, схватить ихъ на пути. Такъ и сдѣлалъ: въ бою убито 25 человѣкъ, да два татарина, а братья ахматовы успѣли бѣжать и начали изъ слободы нападать на Святослава. Ахматъ послалъ къ Святославу и хотѣлъ мириться, но Святославъ не захотѣлъ и убилъ посла.

Въ то время вернулся и Олегъ. Сотворивши поминовеніе по своимъ избитымъ боярамъ, онъ послалъ сказать Святославу: «Зачѣмъ ты, братъ, такъ сотворилъ, что правду свою и мою въ неправду обратилъ и возложилъ на меня и на себя имя разбойничье: и прежде ты грабилъ слободы баскака (какъ-будто самъ и не по-

сылалъ своихъ людей), и теперь билъ его братьевъ? Ты знаешь обычаи татарскіе, да и у насъ, христіанъ, разбой и неправда — не благо: отъ Бога за то будетъ месть въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Покайся, братъ, живи мирно, пойди въ орду, утѣшь и уласкай царя и князей его». Святославъ отвѣчалъ на то: «Къ чему ты такъ трудишься? что тебѣ до меня за дѣло? я самъ себѣ хозяинъ: что хочу, то и дѣлаю. Въ томъ, что я грабилъ слободы, въ томъ я правъ: не человѣка обидѣлъ, а звѣря, и мстилъ врагамъ своимъ невѣрнымъ, поганымъ татарамъ. Не будетъ мнѣ укоризны ни отъ Бога, ни отъ человѣковъ за то, что избивалъ поганыхъ кровопійцъ». Олегъ отвѣчалъ ему: «Было у насъ съ тобою укрѣпленіе жить мнѣ съ тобою за одно и по совѣту мнѣ съ тобою, и тебѣ со мною все творить; а ты крестное цѣлованіе забылъ и все ни во что положилъ. Пришли на насъ татары ратью; я побѣжалъ въ Орду къ царю, а ты остался на Руси, спрятался съ своими боярами въ лѣсахъ воронежскихъ, хотѣлъ выждать, чтобы послѣ можно было разбойничать. Такъ ты и сдѣлалъ. Много ты разбивалъ, много напасти мнѣ и себѣ сдѣлалъ и княженіе свое и мое до конца погубилъ. Если бы пошелъ ты со мною въ Орду, то можно было бы намъ, при помощи Божіей, потягаться съ Ахматомъ передъ царемъ; а ты дерзнулъ разбой творить; сдѣлалъ ты это безъ вѣсти мнѣ и сидишь теперь на своемъ княженіи, какъ будто бы все можешь, а ты ничего не можешь; не идешь ни къ Телебугѣ, ни къ Нагаю оправдываться: бѣда къ бѣдѣ прибываетъ и напасть къ напасти. Какъ-то Богъ меня съ тобою управитъ?» Потомъ пошелъ Олегъ въ орду, привелъ татаръ и убилъ Святослава. Братъ Святослава, Александръ, сѣлъ на его княженіе, оплакалъ брата и, переждавъ немного, пошелъ въ орду съ дарами, привелъ татаръ и убилъ Олега.

Вотъ что̀ дѣлалось на Руси только черезъ 50 лѣтъ (да и того не прошло) послѣ мученической смерти Василька и Михаила; послѣ того, какъ епископъ Митрофанъ такъ доблестно благословилъ людей на напрасную смерть и самъ умеръ съ ними въ соборѣ володимірскомъ! У такихъ отцовъ были такія дѣти! Но не до конца погибла Русская земля; прошло еще лѣтъ сто и люди стали понемногу освобождаться отъ татаръ.

Страшно было жить въ то время! Вотъ что̀ говоритъ блаженный Серапіонъ, епископъ владимірскій, въ одномъ изъ своихъ поученій: «Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, нещадящій ни красоты юной, ни немощи старцевъ, ни младо-

сти дѣтей. Мы подвинули на себя ярость Бога нашего. По Давиду вскорѣ возгорѣлась ярость его на насъ: разрушены божественныя церкви, осквернены сосуды священные, потоптана святыня; святители мечу въ пищу достались; тѣла преподобныхъ иноковъ птицамъ повержены въ снѣдь; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ многая вода, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей и воеводъ; храбрые наши, исполненные страха, бѣжали. Большая часть братьевъ нашихъ отведена въ плѣнъ. Села наши поросли травою и величество наше смирилось, красота погибла, богатство наше другимъ въ корысть досталось; трудъ нашъ поганые наслѣдовали. Земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ; въ поношеніе стали мы живущимъ въ сосѣдствѣ земли нашей. въ посмѣхъ врагамъ нашимъ. Какъ дождь съ небеси, мы свели на себя гнѣвъ Господень... не было казни, которая бы насъ миновала; умаленные мы еще величаемся... Зависть умножилась, злоба перемогаетъ насъ: величаніе вознесло умъ нашъ, ненависть къ ближнимъ вселилась въ сердца наши; корыстолюбіе поработило насъ; нѣтъ въ насъ милости: не милуемъ и сиротъ, не сознаемъ естества человѣческаго, но какъ звѣри алчутъ плоти, такъ и намъ бы всѣхъ погубить, да чужое заграбить! Богъ говоритъ устами пророка: «Не разумѣютъ ли люди, что величайшее беззаконіе снѣдать людей вмѣсто хлѣба!... Лихоимцы и грабители осудятся вмѣстѣ съ идолослужителями... Моисею что сказалъ Богъ? «Если озлобите вдовицу и сироту, слухомъ услышу вопль ихъ и разгнѣваюсь яростью и погублю васъ мечомъ». И нынѣ сбылося реченное. Не отъ меча ли мы падали, не одинъ разъ и не два!... Вспомнимъ наибольшую заповѣдь: любить другъ друга... не воздавать зломъ за зло. Нѣтъ ничего ненавистнѣе Господу, какъ человѣкъ злопамятный. Какъ же мы скажемъ: Отче нашъ, остави намъ грѣхи наши,—а сами не оставляемъ! Въ ню же мѣру мѣрите, отмѣрится вамъ».

Въ погромѣ татарскомъ многія земли русскія подчинились иноплеменникамъ сами; другія взяты были мечомъ. Литовскіе князья заняли Кіевъ, Черниговъ, Полоцкъ, Волынь; Польша взяла себѣ Галичъ.

Гдѣ же находилъ спасеніе себѣ русскій человѣкъ? гдѣ отдыхалъ онъ душою?

Спасеніе находилъ въ молитвѣ, да въ монастырѣ.

Въ нашествіи татарскомъ благочестивые прадѣды наши видѣли казнь Божію и спѣшили дѣлами вѣры и милосердія отвратить гнѣвъ

Господень. Оттого-то въ татарщину возникло много монастырей, появилось много угодниковъ Божіихъ. Поселялся святой гдѣ-нибудь въ пустынѣ (были и такіе, что жили въ дуплѣ дерева), но не долго успѣвалъ онъ укрыться отъ людей; скоро молва узнавала о немъ и люди спѣшили къ нему послушать слова спасенія, иные постригались и составлялся монастырь; другіе поселялись близъ монастыря, потому что татары, которые никого не щадили, когда дѣлали набѣгъ, въ мирное время уважали духовенство, грамотами подтверждали имъ всякія льготы, освобождали ихъ отъ дани и защищали села монастырскія: тогда у монастырей были свои крестьяне. Обо всѣхъ святыхъ того времени намъ и не разсказать; припомнимъ только нѣкоторыхъ.

Св. Варлаамъ хутынскій (скончался 1243 г.) построилъ свою обитель въ десяти верстахъ отъ Новагорода. Тогда у новгородцевъ хотя и былъ князь, но многія дѣла они рѣшали міромъ (что называлось у нихъ вѣчемъ); міромъ выбирали себѣ разныхъ чиновниковъ: посадника, тысяцкаго; выбирали даже епископа, котораго потомъ митрополитъ рукополагалъ; когда они были недовольны княземъ, то міромъ же звали другаго. Часто у нихъ были и безпорядки: одна половина города вставала на другую, бояре—на черный народъ; а иногда и бояре одни тянули къ одному князю, другіе—къ другому; вотъ тогда опять случалась драка, иногда и смертоубійство. Міромъ они часто и судили, и осуждали на смертную казнь; а казнили у нихъ больше всего сверженіемъ съ моста въ Волховъ. Разъ св. Варлаамъ, увидавъ, что они хотятъ такъ казнить кого-то, однимъ словомъ выпросилъ у нихъ помилованіе. Въ память того, какой онъ былъ милостивый, до сихъ поръ живетъ обычай въ его Хутынской обители, въ день его смерти, ноября 6-го, не отказывать въ милостыни ни одному нищему, въ покоѣ—ни одному страннику.

О святомъ Прокопіѣ Устюжскомъ разсказываютъ, что онъ былъ родомъ нѣмецъ, пріѣхалъ въ Новгородъ торговать, принялъ здѣсь вѣру православную, которая плѣнила его благолѣпіемъ въ церквахъ богатаго Новагорода: крестилъ его и наставлялъ въ вѣрѣ св. Варлаамъ хутынскій. Имѣніе свое Прокопій роздалъ на помощь нищимъ и на украшеніе церквей. Слава объ его святости распространилась скоро; но онъ укрывался отъ людей, принялъ на себя юродство и, пройдя много городовъ и селъ, поселился въ Великомъ-Устюгѣ, на паперти соборной церкви, гдѣ жилъ и зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью, не заходя ни къ кому въ домъ. Добрые люди одѣвали и кор-

мили его. Онъ звалъ народъ къ покаянію и на паперти церковной и ходя по улицамъ города, но народъ не слушался. Ужасныя тучи съ громомъ и бурею скопились надъ Устюгомъ; испуганные жители собрались въ храмъ на всенародное молебствіе; святой молился съ другими и провозглашалъ себя, пришельца, виновникомъ кары небесной. Туча пронеслась надъ городомъ и разразилась каменнымъ градомъ—надъ пустымъ мѣстомъ.

Говорятъ, что, встрѣтя дѣвочку, которая послѣ была матерью св. Стефана пермскаго, Прокопій поклонился ей до земли и предсказалъ будущее. Ходилъ онъ въ рубищѣ, въ сапогахъ безъ подошвъ, по ночамъ обходилъ всѣ храмы Устюга и молился въ каждомъ. Часто сиживалъ онъ на берегу Сухоны, на камнѣ, смотрѣлъ какъ люди въ лодочкахъ переправлялись черезъ рѣку, и молился, чтобы Господь даровалъ имъ тихое плаваніе. Разъ его не видѣли въ церкви, удивились, пошли искать; искали три дня и нашли мертвымъ у монастыря архангела Михаила; онъ умеръ, сложивъ себѣ крестообразно руки. Разсказываютъ, что проходящіе слышали, какъ, умирая, онъ самъ прочелъ себѣ отходную молитву.

Стефанъ пермскій, о которомъ мы упомянули выше, совершилъ подвигъ великій. Земля пермская, богатая тогда пушными звѣрями и гдѣ находятъ руды желѣзныя, еще не была крещена: пермяки молились идоламъ и, въ числѣ нихъ, золотой бабѣ съ двумя младенцами на рукахъ, которая считалась однимъ изъ главныхъ идоловъ; молились также деревьямъ и вѣшали на нихъ шкуры звѣрей, которыхъ приносили въ жертву. Стефанъ родился въ Устюгѣ-Великомъ. Отцомъ его былъ причетникъ соборной церкви и, готовя его въ то же званіе, выучилъ грамотѣ. Въ Устюгѣ отъ зырянъ онъ выучился ихъ языку, которымъ говорили въ пермской землѣ, и разведалъ о самой землѣ. Рѣшась на свой подвигъ, онъ постригся въ ростовскомъ монастырѣ св. Георгія. Здѣсь онъ составилъ пермскую азбуку и началъ перелагать на пермскій языкъ священныя книги. Потомъ, благословясь у Герасима, епископа коломенскаго, который правилъ тогда церковью за отсутствіемъ митрополита, взялъ у него мощи святыхъ, антиминсы,—все потребное для освященія церкви: святое муро, священное масло, а также граматы отъ князя. Изъ роднаго своего города Устюга Стефанъ поплылъ Двиною, а потомъ Вычегдою въ Пермь. Сначала пермяки встрѣтили его какъ недруга, не разъ покушались убить его, ходили на него съ дубьемъ и дрекольемъ, стрѣляли въ него изъ лука, грозили сжечь соломою. Кротостью

Стефанъ побѣждалъ ихъ. Нѣкоторые начали обращаться. Для нихъ-то Стефанъ на устьѣ Выми, гдѣ пала она въ Вычегду, построилъ первую деревянную церковь во имя Благовѣщенія. При церкви послѣ построилась обитель. Народъ раздѣлился на двѣ стороны: на христіанъ и идолопоклонниковъ. Идолопоклонники, разумѣется, ненавидѣли христіанъ, а съ ними и Стефана; но онъ не унывалъ: ему удалось крестить 700 человѣкъ и построить три церкви. Больше всего онъ привлекалъ народъ своимъ безкорыстіемъ: дары, которые ему приносили, онъ кидалъ въ огонь и тѣмъ отличался отъ прежнихъ зырянскихъ вѣдуновъ (волхвовъ), которые брали всѣ дары эти себѣ. Больше всѣхъ, конечно, ярились на Стефана эти самые волхвы. Говорятъ, что набольшій изъ нихъ, Пама, предложилъ ему поспорить, чья вѣра лучше. Когда на словахъ Стефанъ переспорилъ его, Пама пошелъ на хитрость и предложилъ ему два испытанія: пройти черезъ огонь и потомъ подо льдомъ рѣки Вычегды. Стефанъ отвѣчалъ, что дѣло превосходитъ его смиреніе и выше силъ, но не отказался. Когда принесли огонь и разложили костеръ, Стефанъ, совершивъ молитву и простясь съ народомъ, три раза звалъ Паму идти, но Пама не пошелъ. То же случилось и у проруби. Народъ разсердился на волхва, приговорилъ его къ казни и отдалъ Стефану; но Стефанъ сказалъ, что Христосъ послалъ его не бить, а благовѣстить; не мучить, а учить съ кротостью, и потому только запретилъ волхву учить и оставилъ его въ живыхъ.

Крестивъ землю Пермскую, Стефанъ поѣхалъ въ Москву. Здѣсь митрополитъ поставилъ его епископомъ и онъ снова возвратился въ Пермь. Ставши епископомъ, Стефанъ не разъ заступался за народъ и выпрашивалъ у князя разныя льготы и защиты отъ грабителей-чиновниковъ. Даже новгородскіе разбойники, которые нерѣдко приходили туда на лодкахъ по Камѣ, слушались его словъ. Онъ былъ милостивъ къ нищимъ и страннымъ; не разъ скупалъ хлѣбъ въ Вологдѣ и привозилъ его въ Пермь, гдѣ раздавалъ нищимъ. Когда онъ умеръ—весь народъ плакалъ о немъ.

Много святыхъ угодниковъ было тогда на Руси, но всѣхъ славнѣе былъ Сергій Радонежскій. О святыхъ митрополитахъ Петрѣ и Алексіѣ скажемъ послѣ.

Родители св. Сергія, котораго въ міру звали Варѳоломеемъ, Кириллъ и Марія, были бояре ростовскіе. Въ смутное для Ростова время, когда это княжество начали тѣснить князья московскіе, Кириллъ, вмѣстѣ съ другими боярами, уѣхалъ изъ Ростова и посе-

лился въ Радонежѣ (нынче село Городокъ, въ 12-ти верстахъ отъ Троицы-Сергія), гдѣ тамошній князь (одинъ изъ московскихъ) Андрей Ивановичъ обѣщалъ большія льготы. Еще младенцемъ до 12-ти лѣтъ, Сергій изнурялъ себя постомъ: въ среду и пятницу не ѣлъ ничего, а въ другіе дни — хлѣбъ да воду, и большую часть ночи проводилъ въ молитвѣ. Мать уговаривала его не истощать себя, но онъ не послушался ея. На седьмомъ году его посадили за грамоту. Долго грамота ему не давалась; но въ полѣ встрѣтилъ онъ невѣдомаго старца, который вдругъ открылъ ему даръ грамоты, но прежде сказалъ слово на пользу души. Въ первый разъ выказалъ бойкость въ чтеніи на часахъ предъ службою, которую совершалъ старецъ, приглашенный въ домъ его родителей. Рано пожелалъ онъ отречься отъ міра. Еще въ дѣтствѣ не ходилъ на игры къ дѣтямъ, избѣгалъ смѣхотворнаго слова, а устремлялся на славословіе Божіе. Юношею онъ началъ проситься у отца съ матерью въ пустыню. Они сказали ему. «Чадо, потерпи немного для насъ: мы въ старости, скудости и болѣзни. Твои братья, Стефанъ и Петръ, женились и стараются какъ угодить своимъ женамъ. У тебя одна забота: угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи еще намъ немного, и когда проводишь насъ до гроба и покроешь землею, тогда сотворишь волю свою». Варѳоломей послушался слова родительскаго и, только схоронивъ отца и мать, постригся въ монахи; потомъ, наслѣдство отдавъ меньшому брату (старшій уже постригся), пошелъ въ пустыню.

Съ братомъ Стефаномъ вошелъ преподобный въ чащу лѣса. Тамъ, сотворивъ молитву, начали они своими руками рубить лѣсъ, носить бревна. Сначала сколотили кровать, потомъ срубили хижину и покрыли ее и затѣмъ — одну келію и малую церквицу. Церковь эту митрополитъ Ѳеогностъ, по желанію Сергія, благословилъ освятить во имя Св. Троицы и прислалъ священника для освященія.

Житіе братьевъ въ пустынѣ было скорбное: ни пищи, ни питья, — ничего на потребу; вокругъ все лѣсъ, да пустыня, ни деревень, ни дворовъ, ни пути; а потому не было и путниковъ. Стефанъ долго не пожилъ здѣсь, а ушелъ въ Москву, въ монастырь Благовѣщенскій, а Варѳоломей остался и скоро постригся отъ игумена Митрофана и нареченъ Сергіемъ. Семь дней онъ оставался въ храмѣ, питаясь одною просфорою, и потомъ опять удалился въ пустыню, гдѣ прожилъ въ единеніи два года, строго соблюдая иноческій уставъ и во всемъ терпя недостатокъ. Въ лѣсу были только звѣри; волки выли

вокругъ его хижины, но Сергій не устрашался: говорятъ, что онъ даже пріучилъ къ себѣ одного медвѣдя; святой выносилъ ему хлѣбъ и клалъ на пень или колоду; иногда онъ уступалъ ему свой послѣдній кусокъ хлѣба, а иногда оба они терпѣли голодъ.

Послѣ двухъ лѣтъ стали приходить къ Сергію иноки; сначала по одному, потомъ по двое, по трое. Сергій отговаривалъ ихъ, показывая въ какихъ недостаткахъ онъ живетъ; но они умоляли позволить остатся и отшельникъ наконецъ соглашался. Такъ собралось 12 человѣкъ; срубили кельи; нѣкоторыя срубилъ самъ Сергій, который и во всемъ подавалъ примѣръ братіи: самъ дрова рубилъ, муку въ жерновахъ мололъ, хлѣбы пекъ, варево варилъ, дѣлалъ обувь, одежду кроилъ и шилъ, а по ночамъ молился. Братія начали просить Сергія принять на себя игуменство; онъ долго отказывался. Наконецъ Аѳанасій, епископъ переяславскій, правившій тогда митрополіею, посвятилъ его въ іеромонаха, а потомъ въ игумена.

Долго иноковъ было только 12, но, наконецъ, число ихъ стало увеличиваться. Прежде другихъ пришелъ Симонъ, который былъ архимандритомъ въ Смоленскѣ, но захотѣлъ лучше быть простымъ инокомъ въ обители св. Сергія. Игуменъ принималъ всѣхъ, но сначала одѣвалъ въ длинную черную свитку и постригалъ тогда только, когда пришедшій хорошо узнавалъ все монастырское дѣло. Выходить изъ обители за подаяніемъ запрещено было и тогда, когда въ монастырѣ былъ самый большой недостатокъ. Иногда иноки по два, по три дня оставались безъ хлѣба, пока кто-нибудь не подвезетъ. Все, что они имѣли, было общее: имѣть свое имъ запрещалось.

Слава пустынника привлекала народъ отовсюду; около монастыря выросъ посадъ. Сами князья уважали Сергія; Дмитрій Донской (какъ скажемъ послѣ) приходилъ просить его благословенія, когда шелъ на Мамая. Митрополитъ Алексѣй хотѣлъ, чтобы Сергій сдѣлался по немъ митрополитомъ, но Сергій отказался отъ высокой чести. Патріархъ цареградскій Филоѳей писалъ къ нему любовную грамоту, но Сергій не возгордился. Какой-то крестьянинъ пришелъ издалека и хотѣлъ его видѣть; увидавши работника въ ветхомъ рубищѣ съ заплатами, который самъ копался на огородѣ, онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ-то и былъ святой мужъ, и повѣрилъ тогда только, когда отогнала его толпа бояръ и слугъ княжескихъ, и самъ князь, поклонившись старику въ рубищѣ, сѣлъ съ нимъ за одинъ столъ.

Шесть монастырей, кромѣ Троицкаго, основалъ преподобный

или благословилъ ихъ основаніе: Благовѣщенія на Киржачѣ, Андроніевъ въ Москвѣ, Симоновъ тамъ же, на рѣкѣ Дубенкѣ во имя Успенія, Голутвинъ въ Коломнѣ, въ Серпуховѣ Высокій.

Былъ случай, что и татаринъ принялъ христіанство и сподобился получить небесное блаженство: то былъ Петръ, царевичъ ордынскій. Когда еще въ началѣ татарскаго плѣненія ростовскій епископъ Кириллъ разсказывалъ въ ордѣ хану Беркаю о томъ, какъ Леонтій крестилъ Ростовскую землю, племянникъ хана слушалъ святителя, плѣнился христіанствомъ, оставилъ все богатство отца и вмѣстѣ съ епископомъ ушелъ изъ орды въ Ростовъ. Богослуженіе въ храмѣ Богородицы, гдѣ на лѣвомъ клиросѣ пѣли по-гречески, а на правомъ по-русски, поразило царевича; онъ упросилъ Кирилла крестить его. По смерти Кирилла, при епископѣ Игнатіѣ, Петръ былъ разъ на охотѣ на берегу Ростовскаго озера и, утомившись, заснулъ. Тогда явились ему два свѣтлые мужа. Когда царевичъ, въ ужасѣ, упалъ передъ ними, они, взявъ его за руки, сказали: «Друже Петре, не бойся! мы посланы къ тебѣ отъ Бога, въ котораго ты увѣровалъ и крестился, и посланы за тѣмъ, чтобы укрѣпить родъ твой и племя и внуковъ твоихъ до скончанія міра». Потомъ дали они царевичу два мѣшка, въ одномъ золото, а въ другомъ серебро, и велѣли вымѣнять ему три иконы: Богородицы съ Младенцемъ, св. Дмитрія и Николая чудотворца, а съ вымѣненными иконами явиться къ епископу и отъ имени апостоловъ Петра и Павла сказать, чтобы онъ соорудилъ церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ царевичъ спалъ. Когда церковь была готова, князь сказалъ царевичу, глумясь: «Владыко тебѣ церковь устроилъ, а я мѣста не дамъ, что тогда будешь дѣлать?» Петръ отвѣчалъ: «Княже, повелѣніемъ св. апостоловъ я куплю у тебя сколько благодать твоя отлучитъ отъ земли этой». Князь же видѣлъ мѣшки Петра у епископа и, помолчавъ немного, сказалъ: «Дашь ли за всю землю столько, сколько далъ за иконы: дашь ли девять литръ (фунтовъ) серебра, а десятую золота?» Петръ сказалъ, что апостолы велѣли ему дѣлать, что̀ укажетъ владыка. Владыка велѣлъ дать. Князь велѣлъ измѣрить мѣсто вдоль озера *веревкою*, и Петръ просилъ выкопать ровъ на память, какъ дѣлается въ ордѣ. Князь исполнилъ эту просьбу.

Спустя нѣсколько времени, однажды князь и владыка говорили между собою о царевичѣ Петрѣ: «Если этотъ мужъ царскаго племени уйдетъ въ Орду, будетъ не ладно нашему городу!» а Петръ былъ ростомъ великъ и лицомъ красивъ. И потомъ оба они говорили

ему: «Потре! хочешь ли, мы выдадимъ за тебя невѣсту?» Петръ же прослезился и отвѣчалъ князю и владыкѣ: «Я возлюбилъ вашу вѣру и пришелъ къ вамъ: да будетъ воля Господня и ваша!» Князь взялъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, потому что были тогда въ Ростовѣ ордынскіе вельможи. Владыка вѣнчалъ его.

Разъ на охотѣ князь сказалъ Петру: «Велію благодать обрѣлъ ты передъ Богомъ и граду нашему. Писано есть: что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздастъ намъ»,—пріими же, господине Петре, малую эту землю отъ нашей отчины и воды отъ озера: я тебѣ напишу грамоту». Петръ отказывался-было отъ грамоты, но князь сказалъ: «Грамоты для того, чтобъ послѣ насъ мои дѣти, внуки и правнуки не отняли тѣхъ земель у твоихъ дѣтей и внучатъ». Такъ и сдѣлали.

Орда была тиха много лѣтъ и князь такъ любилъ Петра, что и хлѣба безъ него не ѣлъ и при владыкѣ побратался съ нимъ въ церкви; и прозвался Петръ братомъ князю, и сердились на него сыновья княжіе. Спустя малое время умерли и владыка, и князь, а дѣти его звали Петра дядею. Преставился Петръ въ глубокой старости, постригшись въ монахи.

Внуки ростовскаго князя, забывъ Петра, начали отнимать луга и земли у петровыхъ дѣтей. Тогда сынъ Петровъ пошелъ въ орду, сказался внукомъ брата царева и выпросилъ себѣ посла, чтобы пришелъ и судилъ. Посолъ ордынскій оправдалъ его.

Когда посолъ воротился въ орду, молодые князья стали говорить между собою и съ боярами: «Слышали мы, что родители наши звали Петра дядею и что дѣдъ нашъ много серебра у него взялъ. А вѣдь это родъ татарскій, что это намъ за племя? Серебра же не оставили намъ родители наши». Больше же всего сердились они за то, что Петровы дѣти въ ордѣ выше ихъ честь принимали.

Потомъ стали князья (уже другіе) оттягивать у племени петрова воды, и сходилъ внукъ петровъ въ орду и присудилъ ему ордынскій посолъ и воду.

При правнукѣ петровѣ, Игнатіѣ, пришолъ на Ростовъ татаринъ Ахмылъ—и бѣжали князья ростовскіе, бѣжалъ и владыка Прохоръ. Игнатій погнался за владыкою съ обнаженнымъ мечемъ, нагналъ его и сказалъ: «Если не пойдешь со мною противъ Ахмыла, то убью тебя! это наше племя и сродники». И послушался его владыка: со всѣмъ клиросомъ, въ ризахъ, со крестами и хоругвями, пошелъ противъ Ахмыла, а Игнатій съ гражданами передъ крестами. Взялъ

онъ потѣху царскую: соколовъ и кречетовъ и дорогія одежды, и питья различныя, сталъ на колѣни передъ Ахмыломъ и сказался ему древняго брата царева племени, и Ахмылъ помиловалъ городъ. Потомъ владыка вылечилъ у него сына; тогда Ахмылъ сказалъ: «Благословенъ вышній Господь, вложившій мнѣ въ сердце придти сюда! Праведенъ еси ты, господине епископе Прохоре! ибо молитва твоя воскресила сына моего. Благословенъ и ты, Игнатіе! ты уберегъ людей своихъ и спасъ этотъ городъ; ты—наше племя, царева кость, и если будетъ тебѣ здѣсь обида, не лѣнись дойти до насъ». Потомъ, одаривъ серебромъ владыку, ушелъ.

Такъ тяжело было жить отъ татаръ! Всякій воевода татарскій могъ разграбить и разорить городъ; надо было умилостивлять его: силою стоять противъ него князю и думать одному нельзя было; потомъ на каждаго князя можно было жаловаться въ ордѣ; а каковъ ордынскій судъ—мы увидимъ изъ разсказа о мученіяхъ св. князя Михаила тверскаго.

Спорили о томъ, кому быть великимъ княземъ, т. е. старшимъ изо всѣхъ князей: князь тверской Михаилъ Ярославичъ и князь московскій Юрій Даніиловичъ. Сначала ханъ утвердилъ великимъ княземъ Михаила; но потомъ Юрій сходилъ въ орду, женился тамъ на сестрѣ хана Узбека, Кончакѣ, выпросилъ себѣ великое княженіе и съ татарскимъ войскомъ, подъ начальствомъ Кавгадыя, явился на Русь. На дорогѣ соединились съ нимъ нѣкоторые князья и новгородцы. Михаилъ встрѣтилъ ихъ въ 40 верстахъ отъ Твери, разбилъ и взялъ въ плѣнъ Кавгадыя и Кончаку. Михаилъ не велѣлъ избивать татаръ, а принялъ ихъ съ большою честью. Татары начали съ хитростью говорить ему: «Отнынѣ мы твои, а приходили съ княземъ Юріемъ безъ повелѣнія царева и боимся за то опалы отъ царя, что сотворили такое дѣло и пролили столько крови». Михаилъ повѣрилъ татарамъ и отпустилъ ихъ съ дарами, а Кончака умерла. Говорили иные, будто бы она была отравлена ядомъ.

На другой годъ Юрій пошелъ въ орду и съ нимъ Кавгадый, и наклеветали они царю Узбеку на князя Михаила и сказали: «Князь Михайло тверской по городамъ собралъ многія дани и хочетъ бѣжать къ нѣмцамъ, а къ тебѣ идти не хочетъ и твоей власти не повинуется». Разгнѣвался царь и повелѣлъ захватить Михайлова сына, Константина, бывшаго тогда въ ордѣ, посадить его въ тюрьму и уморить голодомъ. Когда его уже посадили, стали говорить царю: «Если убьешь сына,

то отецъ никогда не придетъ къ тебѣ». Послушался Узбекъ и велѣлъ выпустить Константина.

Потомъ велѣлъ царь позвать Михаила въ орду и сентября 8-го 1318 г. Михаилъ пріѣхалъ въ орду, которая тогда кочевала подлѣ устьевъ Дона, и обдарилъ, по обычаю, дарами князей и княгинь, а потомъ царя и царицу.

Жилъ Михаилъ въ ордѣ полтора мѣсяца, а Кавгадый безпрестанно клеветалъ на него царю: «Князь Михайло Ярославичъ по суду достоинъ смерти. Какъ повелишь ты, вольный царь? Твое слово велико». И много винъ возвели они на князя Михаила. Царь велѣлъ перевершить судъ. Кавгадый сказалъ: «На меня царь возложи я на мою душу; мнѣ все вѣдомо, а по ихъ словамъ, какъ мы судили ихъ, Михаилъ достоинъ смерти. Если ты велишь перевершить судъ, то пусть Михаилъ будетъ скованъ: не хотимъ мы видѣть, какъ тебя, царя, обижаютъ и насъ, твоихъ князей, поносятъ. Наше безчестіе,— твое безчестіе, а твоя слава—наша честь». Царь сказалъ ему: «Дѣлайте какъ хотите, только судите праведно: нашему царскому суду подобаетъ быть праведнымъ. Разсудивши, скажите намъ».

На другую недѣлю сѣли опять князья на судилище и привели Михаила связаннаго, и во всемъ слушались словъ Юрьевыхъ и отвращались отъ словъ Михаиловыхъ. Сказали они Михаилу: «Гордъ ты и непокорливъ царю нашему; посла его, Кавгадыя, осрамилъ и съ нимъ бился и татаръ его побилъ, и дани царевы взялъ себѣ, а царю не далъ; къ нѣмцамъ съ казною бѣжать хотѣлъ, и княгиню Юрьеву зеліемъ уморилъ». Михаилъ отвѣчалъ на это: «Царя слушалъ и слушаю и служу ему тѣлесно и дани даю; а посолъ царевъ пошелъ на меня ратью и я бился съ нимъ противъ воли, а потомъ чтилъ его и дарилъ; а княгиню Юрьеву не уморилъ: она сама умерла. Брату же моему Юрью слѣдовало бы помнить мою дружбу и любовь: я отцу его много помогалъ въ бѣдахъ и ему не супротивникъ; онъ самъ возсталъ на меня и хотѣлъ всѣмъ завладѣть, не по нашему обычаю. Теперь же что̀ хочетъ, то пусть и возьметъ по волѣ царя, а мнѣ покажите милость». Кавгадый же, вставъ, сказалъ: «Не достоинъ милости, но достоинъ смерти»—и съ яростію началъ бранить его. Потомъ судьи пошли къ царю и сказали: «Въ другой разъ говоримъ тебѣ, царь, что Михаилъ по суду достоинъ смерти». Царь же отвѣчалъ: «Если такъ по правдѣ, то дѣлайте». Это было въ пятницу поздно вечеромъ, а въ субботу князья опять сѣли на судилище и привели Михаила связаннаго, приставили къ нему сторожей, принесли

желѣзныя оковы и хотѣли положить на него, но только положили ему оковы на руки, на шею цѣпь желѣзную, и ни кого не подпускали къ нему изъ его приближенныхъ, но всѣхъ били и отгоняли. На другой день, въ воскресенье, надѣли ему на шею большую деревянную колодку и повели за царемъ на охоту, и былъ онъ въ такой нуждѣ двадцать-пять дней. Потомъ велѣлъ Кавгадый въ томъ же униженіи вести его на базаръ, какъ разбойника и злодѣя, и сказалъ при множествѣ народа: «Милость царская всегда пребываетъ съ осужденными на наказаніе. Онъ достоинъ смерти: по суду обыскалось, что князь Михаилъ Ярославичъ своими злыми дѣлами отчудился отъ милости и къ смерти приблизился. Нынче онъ въ тягости и нуждѣ, и скоро смерть пріиметъ; но, по царской милости и по его величеству, подобаетъ его почтить потому, что онъ уже при смерти». Потомъ велѣлъ Кавгадый развязать его и расковать, принести воды, омыть его и надѣть дорогую одежду; потомъ принести овощи разные и питье. Михаилъ же ничего не ѣлъ и не пилъ.

Всѣ люди, которые сошлись туда (а было тамъ много народа, были и православные) не могли безъ слезъ смотрѣть на Михаила. Потомъ велѣлъ Кавгадый опять заковать его и пробылъ онъ въ такой мукѣ еще двадцать-шесть дней за рѣкою, за Терекомъ. На двадцать-седьмой день всталъ Михаилъ рано и позвалъ къ себѣ духовника своего, игумена Марка; съ нимъ было нѣсколько священниковъ, и сказалъ Марку; «Сегодня ночью три раза чудилось мнѣ, что пришелъ день моей кончины. Сотворите мнѣ любовь, поминайте меня въ своихъ молитвахъ; никогда не забывайте этого, да проститъ мнѣ Господь мои согрѣшенія: много согрѣшилъ я передъ Нимъ». Потомъ велѣлъ пѣть заутреню и часы, самъ читалъ во время служенія, исповѣдался и пріобщался св. Таинъ отъ духовника своего Марка; потомъ обнялъ и поцѣловалъ своихъ священниковъ и просилъ ихъ не забывать его въ своихъ молитвахъ.

Потомъ позвалъ сына своего Константина, далъ ему наставленіе въ христіанской жизни и наказалъ, что̀ передать княгинѣ своей и другимъ сыновьямъ, особенно о томъ, чтобы не забывали тѣхъ, которые были съ нимъ въ горести и печали. Потомъ сказалъ: «Уйдите отъ меня всѣ,—прискорбна душа моя даже до смерти: приближается часъ разлученія»; и облился слезами. Затѣмъ немного заснулъ. Проснувшись, велѣлъ принести псалтырь и началъ молиться. Еще онъ не кончилъ молитву, какъ прибѣжалъ одинъ изъ его приближенныхъ и сказалъ: «Господинъ князь великій! отъ царя изъ орды идетъ Кавга-

дый, а съ нимъ Юрій Даніиловичъ и много народа прямо къ тебѣ». Михаилъ спросилъ: «Знаешь ли, зачѣмъ они идутъ?» тотъ отвѣчалъ со слезами: «Знаю, чтобы убить тебя!»

Михаилъ послалъ сына своего къ царицѣ сказать ей: «Обѣщалась помогать мнѣ; если можешь, помоги». А тѣмъ временемъ Кавгадый и Юрій, сойдя съ коней на базарѣ, бывшемъ близъ кибитки Михаила, разогнали всѣхъ его слугъ, между которыми были и татары, и всѣ горько плакали. Потомъ убійцы вошли въ ставку, взяли Михаила за колодку, которая была у него на шеѣ, и повѣсили на стѣнѣ; стѣна—войлочная—проломилась; тогда какой-то Иванецъ, взялъ Михаила за уши, началъ бить его головою о землю; а другой, Романецъ, воткнулъ ему ножъ въ правое ребро и, повертывая его въ разныя стороны, сказалъ: «Пей же чашу добрую». Михаилъ, возопивъ громко, испустилъ духъ, ноября 22-го 1318 г.

Кибитку его разграбили татары и ограбили до нага всѣхъ, служившихъ ему, русскихъ и татаръ.

Тѣло его было брошено нагое. Уже Кавгадый, сжалясь надъ нимъ, началъ укорять Юрія: «Не братъ ли онъ тебѣ былъ старшій? Что же ты оставляешь его тѣло на поруганіе? Возьми и вези его въ свою землю».

Юрій послушался этого совѣта: перевезъ тѣло въ Москву и долго не соглашался отдать его дѣтямъ покойнаго. Черезъ шесть лѣтъ сынъ Михаила, Дмитрій, встрѣтясь съ Юріемъ въ ордѣ передъ царемъ, не вытерпѣлъ и зарѣзалъ убійцу брата, за что и самъ былъ убитъ.

Другой сынъ Михаила, Александръ, былъ объявленъ великимъ княземъ, но черезъ годъ, послѣ назначенія, разсердилъ хана, избивъ у себя въ Твери татаръ. Случилось это вотъ такъ:

Въ Тверь пріѣхалъ татарскій посолъ Шевкалъ. Въ городѣ разнесся слухъ, будто татары говорили царю: «Если не погубишь князя Александра и всѣхъ князей русскихъ съ нимъ, то не будетъ у тебя власти надъ ними»; и будто Шевкалъ сказалъ царю: «Господинъ царь! если велишь, я пойду на Русь и разорю христіанство и князей изобью, а княгинь и дѣтей приведу къ тебѣ». Конечно, все это неправда; только тогда этому вѣрили и потому еще больше вѣрили, что Шевкалъ, пріѣхавши въ Тверь, прогналъ великаго князя съ двора его и самъ сталъ на томъ дворѣ съ великою гордостью и поднялъ гоненіе на христіанъ: насильничалъ, билъ, грабилъ и наругался. Народъ же, оскорбленный гордостью татаръ,

часто жаловался великому князю и просилъ обороны. Великій князь, видя озлобленіе людей своихъ и не зная, какъ имъ помочь, просилъ потерпѣть. Тверичи терпѣть не хотѣли и ждали удобнаго времени.

Августа 15-го въ половинѣ утра, когда снимается торгъ, тверитянинъ, діаконъ Дудко, велъ на Волгу поить молодую и тучную кобылу. Татары, увидѣвши, отняли ее; дьякону стало жаль кобылы; онъ началъ вопить: «Тверичи, не выдавайте!» Начался бой; татары сначала шли бодро, потомъ народъ ударилъ въ набатъ: сошелся весь городъ, явился и князь; бой продолжался до вечера. Шевкалъ убѣжалъ въ княжій теремъ и зажгли подъ нимъ сѣни: теремъ сгорѣлъ весь и Шевкалъ съ нимъ. Татаръ всѣхъ избили; некому было и вѣсть подать, еслибы нѣкоторые татары не были въ то время въ полѣ, гдѣ пасли коней. Они-то, когда началось смятеніе, вскочили на лучшихъ жеребцовъ и поѣхали въ Москву, а оттуда въ орду и повѣстили о случившемся.

Александръ бѣжалъ. Много лѣтъ жилъ онъ въ изгнаніи; наконецъ соскучился по Твери, воротился, да не надолго. Ханъ призвалъ его къ себѣ по клеветѣ и велѣлъ убить.

Послѣ погибели тверскихъ князей, самыми сильными остались московскіе; тогда въ Москвѣ былъ князь Иванъ Даніиловичъ. Московскіе князья задумали подчинить себѣ всю Русскую землю, и для того стали скупать имѣніе однихъ князей, изгонять другихъ и кончили тѣмъ, что могли, наконецъ, вступить въ борьбу съ татарами. Больше всего помогли имъ въ этомъ дѣлѣ митрополиты, которые переселились жить въ Москву; а митрополиту подчинялись церкви во всей Русской землѣ; къ тому же митрополита всѣ уважали; стало быть князь, къ которому въ городъ поселился митрополитъ, долженъ былъ сдѣлаться непремѣнно самымъ сильнымъ. Первымъ митрополитомъ, который переѣхалъ въ Москву, былъ св. Петръ. О немъ-то и поведемъ теперь рѣчь нашу.

Петръ родился въ Волынской землѣ. Отца его звали Ѳедоромъ. Семи лѣтъ посадили его учиться грамотѣ; но грамота давалась ему туго и много печалились объ этомъ родители. Разъ, ночью видитъ онъ сонъ, будто подошелъ къ нему старецъ и сказалъ: «Отверзи, чадо, уста свои». Онъ открылъ уста, старецъ прикоснулся къ языку— и уста его наполнились сладостью. Съ тѣхъ поръ ученіе Петра шло успѣшно и онъ превзошелъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. 12-ти лѣтъ онъ поступилъ послушникомъ въ монастырь и съ покорностью исполнялъ все, что на него возлагали. Такъ живя, онъ сдѣланъ былъ

сначала іеродіакопомъ, а потомъ іеромонахомъ. По любви къ уединенію удалился въ пустыню, на рѣкѣ Ратѣ, гдѣ построилъ сначала келью, а потомъ церковь. Петръ былъ до того милосердъ, что если ему нечего было дать нищему, то онъ творилъ милостыню иконами, которыя самъ писалъ; случилось, что въ зимнее время онъ отдавалъ неимущему власяницу съ себя. Молва о немъ разносилась повсюду. Когда тогдашній митрополитъ Максимъ объѣзжалъ свою паству и былъ въ землѣ Волынской, Петръ подалъ ему образъ своего письма. Митрополитъ такъ полюбилъ этотъ образъ, что, украсивъ его драгоцѣнною ризою, ежедневно молился передъ нимъ. Когда умеръ Максимъ, игуменъ Геронтій задумалъ самовольно восхитить санъ митрополичій и поѣхалъ ставиться въ Царьградъ отъ патріарха: тогда патріархи цареградскіе ставили митрополита, который былъ одинъ для всей Руси. Многіе вознегодовали на это въ Русской землѣ. Князь же волынскій, тогда еще русскій, задумалъ сдѣлать особую митрополію для Галича и Волыни и началъ уговаривать Петра идти ставиться въ Царьградъ. Петръ согласился, сѣлъ на корабль и поплылъ въ одно время съ Геронтіемъ. Такъ какъ Геронтія задержала на морѣ буря, то Петръ пріѣхалъ прежде его и былъ поставленъ. Потомъ Петръ возвратился на Русь митрополитомъ всея Руси, и началъ править своей митрополіей и отличался большою кротостью и смиреніемъ. Нѣкогда Андрей, епископъ тверской, оклеветалъ Петра передъ патріархомъ, который извѣстилъ его объ этомъ письмомъ: «Знаешь, что избраніемъ Святаго Духа поставленъ пастыремъ и учителемъ словеснаго стада Христова; а нынѣ дошло до насъ отъ вашей страны и твоей области объявленіе на тебя, которое смутило мой помыслъ; постарайся очиститься отъ него». Петръ, который и прежде зналъ о клеветѣ, получивъ посланіе патріарха, собралъ епископовъ на соборъ въ Переяславлѣ, куда прибыли и сыновья тогдашняго великаго князя Михаила Ярославича; самъ же Михаилъ былъ въ ордѣ. Посреди собора Петръ сказалъ: «Братія и чада возлюбленные! я не лучше Іоны пророка; если за меня такое смятеніе, то изгоните меня и уляжется молва». Соборъ не захотѣлъ исполнить этого и началъ разыскивать: отъ кого идетъ эта клевета; узнали, что отъ Андрея и передъ всѣми онъ былъ посрамленъ и униженъ. Петръ же не захотѣлъ сотворить ему зла, но сказалъ: «Миръ тебѣ, о Христѣ чадо, не ты это сотворилъ, но діаволъ, изначала завидующій роду человѣческому. Остерегайся впередъ, а что было, да отпуститъ тебѣ Господь». Съ тѣмъ и распустилъ соборъ. Обходя раз-

ные города своей области, прибылъ святитель и въ Москву, тогда еще небольшой и малолюдный городъ, и, полюбивъ князя Ивана Даніиловича, Петръ жилъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Началъ онъ совѣтовать князю построить каменную церковь во имя св. Богородицы и притомъ говорилъ: «Если послушаешь меня, сынъ, и воздвигнешь храмъ Пресвятой Богородицы, то не только самъ прославишься паче другихъ князей, но и сынъ твой и внуки въ роды, и градъ сей будетъ славенъ во всѣхъ городахъ русскихъ, и святители въ немъ поживутъ и взыдутъ руки его на плещи враговъ и мои кости положены будутъ въ немъ». Князь послушалъ совѣта и началъ строить храмъ, а святитель готовить себѣ гробъ. Скоро, въ правду, насталъ его послѣдній часъ; князя тогда не было въ Москвѣ. Святитель же призвалъ къ себѣ нѣкоего Протасія, и сказалъ ему: «Чадо! я отхожу отъ житія сего. Оставляю же сыну своему возлюбленному, князю Ивану, и миръ, и благословеніе отъ Бога и сѣмени его до вѣка за то, что онъ успокоилъ меня. Богъ воздастъ ему сторицею въ мірѣ семъ и жизнь вѣчную наслѣдитъ и да обладаетъ родъ его, не оскудѣвая мѣстомъ симъ». Затѣмъ преставился.

Благословеніе святителя не осталось тщетно: наслѣдники его жили въ Москвѣ и помогали князьямъ московскимъ; много сдѣлалъ бывшій послѣ него Θеогностъ, умершій вмѣстѣ съ княземъ Симеономъ Ивановичемъ въ бывшую въ Москвѣ заразительную болѣзнь, похожую на чуму, которую тогда называли «черною смертью».

Этого Θеогноста разъ оклеветали въ ордѣ передъ царемъ Джанибекомъ: «Митрополитъ Θеогностъ не даетъ дани въ орду съ освященнаго чина и со всего церковнаго причета, а самъ себѣ на нихъ дань взимаетъ серебра и золота безчисленное множество, и тебя, царя, обижаетъ. Слѣдуетъ ему платить тебѣ дань ежегодно». И сталъ царь требовать отъ него этой дани. Θеогностъ же отвѣчалъ: «Христосъ искупилъ насъ своею кровью и мы рабы только Божіи». Татары много мучили его за то, забывъ, что прежнихъ царей грамотами духовенство было освобождено отъ всякихъ даней. Θеогностъ, чтобы заставить татаръ отказаться отъ этого требованія, раздавалъ имъ своихъ денегъ рублей до 600 (тогда это были большія деньги) и настоялъ на своемъ. Когда псковичи пріютили у себя Александра тверскаго, врага московскаго князя, Θеогностъ велѣлъ затворить всѣ церкви во Псковѣ и тѣмъ заставилъ Александра удалиться изъ Пскова.

Еще больше сдѣлали для Москвы св. Алексѣй, второй изъ московскихъ чудотворцевъ.

Алексѣй родился отъ черниговскаго боярина Ѳеодора Бяконта и жены его Маріи. Родился онъ въ Москвѣ; отецъ его переселился туда изъ Чернигова, на который постоянно нападали татары. Въ мірѣ онъ назывался Елевферіемъ. Когда настало время—лѣтъ 12-ти—Елевферія начали учить грамотѣ. Разъ, ставя силки на птицъ, мальчикъ заснулъ и во снѣ слышалъ голосъ: «Алексѣе! что всуе трудишься? отселѣ будешь ловить человѣковъ!» Проснувшись, онъ задумался, что значитъ этотъ голосъ? И съ тѣхъ поръ сдѣлался молчаливъ и задумчивъ. Стали родители печалиться объ этомъ и разспрашивать, что съ нимъ случилось, отчего онъ такъ прилежно читаетъ книги? «Все это дѣла иноческія, а не мірскія». Алексѣй же, утѣшая ихъ, отвѣчалъ: «Не печальтесь, но радуйтесь, что я успѣваю во благихъ; какъ угодно Богу обо мнѣ, такъ да будетъ». Съ пятнадцати лѣтъ задумалъ онъ идти въ монастырь и 20-ти лѣтъ постригся въ Москвѣ у Богоявленія. Здѣсь онъ возбудилъ общую любовь; слава его дошла и до князя Семена Ивановича. Митрополитъ же такъ уважалъ его, что назначилъ его своимъ намѣстникомъ и поручилъ ему судъ въ церковныхъ дѣлахъ, а черезъ нѣсколько времени поставилъ его во епископа владимірскаго. Потомъ князь и митрополитъ послали въ Царьградъ посла съ тѣмъ, чтобы, когда умретъ митрополитъ, не ставили въ митрополиты никого другого, кромѣ Алексѣя. Послы эти, возвратясь, привезли Алексѣю приглашеніе отъ патріарха идти въ Царьградъ: Алексѣй поѣхалъ. Въ Царьградѣ онъ нашелъ уже поставленнымъ другого митрополита, Романа, по желанію литовскаго князя; но патріархъ поставилъ и Алексѣя. Такъ явились два митрополита и каждый изъ нихъ требовалъ, чтобы ему повиновались. Дѣло кончилось тѣмъ, что патріархъ раздѣлилъ митрополію: Роману поручилъ Русь южную, Алексѣю—сѣверную. По этому дѣлу Алексѣй вторично ѣздилъ въ Царьградъ. Когда Романъ умеръ, Алексѣй остался одинъ.

Слава Алексѣя разнеслась далеко, дошла и до татаръ. У царя Джанибека была три года больна глазами царица Тайдула. Джанибекъ послалъ къ Ивану Ивановичу письмо: «Слышалъ я, что есть у васъ священникъ, котораго Богъ слушаетъ во всемъ, что онъ проситъ. Пришли мнѣ этого служителя Божія, да исцѣлѣетъ его молитвами царица моя, Тайдула. Если пришлешь,—буду жить въ міру съ тобою; не пришлешь—плѣню землю твою». Святитель, когда ему

сообщили это, сказалъ: «Дѣло это выше силы моей, но вѣрую, что если Богъ даровалъ прозрѣніе слѣпому отъ рожденія, то призритъ прошеніе того, кто съ вѣрою проситъ». Отслуживъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, Алексѣй отправился въ орду. Еще Алексѣй былъ въ пути, какъ царица видѣла его во снѣ во святительскихъ ризахъ и велѣла къ пріѣзду его сшить такія ризы, какія видѣла. Отслужилъ Алексѣй молебенъ надъ болящею, окропилъ ее св. водою—и царица прозрѣла. Въ благодарность ханъ далъ Алексѣю богатый перстень. Джанибекъ былъ убитъ сыномъ своимъ, Бердибекомъ, который удавилъ и 12 своихъ братьевъ. Новый ханъ прислалъ грознаго посла въ Москву съ разными требованіями. Алексѣй поѣхалъ въ орду смягчать жестокосердіе его и успѣлъ даже добиться милости отъ Бердибека, который и далъ ему льготную грамоту. Когда, въ 1359 г., скончался великій князь Иванъ Ивановичъ, святителю осталась опека надъ малолѣтнимъ сыномъ его, Дмитріемъ. А тѣмъ временемъ князь нижегородскій Дмитрій Константиновичъ выпросилъ себѣ великое княженіе въ ордѣ; Алексѣй, по долгу своему, благословилъ его; но какъ Дмитрій ни уговаривалъ его остаться во Владимірѣ, Алексѣй, помня завѣтъ св. Петра, возвратился въ Москву. Въ ордѣ явилось нѣсколько хановъ. Московскіе бояре выпросили у одного изъ нихъ званіе великаго князя для Дмитрія московскаго и выгнали Дмитрія нижегородскаго изъ Владиміра. Алексѣй съ радостію благословилъ новаго великаго князя и помогалъ ему своими совѣтами; по его внушенію заключилъ Дмитрій договоръ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, княземъ серпуховскимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, который былъ его вѣрнымъ помощникомъ во всѣхъ дѣлахъ его. Когда въ Нижнемъ поссорились между собою князья Борисъ и Дмитрій, Алексѣй вступился за Дмитрія и послалъ св. Сергія затворить въ Нижнемъ церкви; тогда Борисъ долженъ былъ уступить.

Алексѣй построилъ нѣсколько монастырей: женскій Алексѣевскій, Андрониковъ, Владычній въ трехъ верстахъ отъ Серпухова, Благовѣщенскій въ Нижнемъ-Новгородѣ, Константино-Еленинскій во Владимірѣ и Чудовскій на мѣстѣ, подаренномъ царицею Тайдулою.

Въ концѣ жизни онъ опять долженъ былъ бороться съ двумя митрополитами, поставленными для Кіева и Галича, по желанію литовскаго князя и польскаго короля: эти митрополиты были Антоній, а по смерти его—Кипріанъ.

Святитель скончался 12-го февраля 1378 г. Онъ указалъ положить тѣло свое въ Чудовской обители за алтаремъ; но великій князь не захотѣлъ исполнить этого смиреннаго желанія и приказалъ похоронить его съ честью въ самомъ храмѣ, близъ алтаря.

Такъ умомъ своихъ князей, при стараніи и заботахъ святителей, возрастала сила Москвы; а въ ордѣ все болѣе и болѣе усиливались раздоры; бывали случаи, что, пользуясь этими раздорами, князья русскіе переставали вовсе давать дань; но иногда орда опять на время становилась грозною: являлся человѣкъ, который всѣхъ подчинялъ себѣ. Такимъ сталъ въ то время Мамай: самъ онъ не былъ ханомъ, а только воеводою. Однако слабые ханы, которыхъ онъ смѣнялъ по своему произволу, дѣлали все, что онъ хотѣлъ, а потому на Руси и называли его царемъ.

Въ 1378 г. Мамай незадолго передъ тѣмъ вмѣстѣ съ мордовскимъ царевичемъ Арапшею разбилъ въ расплохъ нижегородскихъ князей на рѣкѣ Пьянѣ—отъ чего и пошла пословица: «за Пьяной люди пьяны»—и, опустошивъ Нижній, послалъ рать свою подъ начальствомъ Бѣгича на Дмитрія московскаго. Князь же Дмитрій со своею ратью пошелъ противъ нихъ и, переѣхавъ черезъ Оку, вступилъ въ землю Рязанскую и встрѣтилъ татаръ на рѣкѣ Вожѣ. Встали русскіе съ одной стороны рѣки, татары съ другой (Вожа впала въ Оку съ правой стороны въ Рязанскомъ уѣздѣ).

Прошло нѣсколько дней. Татары переѣхали на ту сторону, ударили коней своихъ, поскакали борзо и съ крикомъ напали на нашихъ; но съ одной стороны ударилъ на нихъ Тимоѳей окольничій (старинный чинъ), съ другой—князь Данило Пронскій, а съ лица самъ великій князь Дмитрій Ивановичъ. Татары въ тотъ же часъ повернули, побросали оружіе свое и побѣжали за рѣку Вожу; наши погнались за ними, рубили ихъ, кололи, избили множество, а другихъ въ рѣкѣ потопили. Потомъ насталъ вечеръ, зашло солнце и во тьмѣ нельзя было гнаться за татарами, а на утро была мгла великая и татары бѣжали всю ночь и все утро. Только передъ обѣдомъ или въ полдень Дмитрій захотѣлъ гнаться за ними, но они уже убѣжали далеко, покидая въ полѣ свои телѣги, кибитки и всякое богатство. Бой этотъ былъ 11-го августа. Дмитрій съ честью возвратился въ Москву, а татары со стыдомъ пришли къ Мамаю. Мамай, увидѣвъ, что прибѣжала къ нему рать истомленная и многіе убиты, сильно разгнѣвался. Въ ту же осень собралъ рать и послалъ ее на рязанскаго князя Олега, въ землѣ котораго былъ бой. Князь

Олегъ не приготовился стоять противъ татаръ, бѣжалъ изъ своего города Переяславля (нынче Рязань) и переправился черезъ Оку; татары же сожгли Переяславль, пожгли села и города, а людей многихъ побили, иныхъ отвели въ полонъ.

Наказавъ Олега, Мамай задумалъ наказать и Дмитрія и, собравъ большую рать въ 1380 году, пошелъ на Русь. Ему мало показалось однихъ татаръ, онъ нанялъ разныхъ народовъ; армянъ, черкесовъ, ясовъ (это народы кавказскіе) и другихъ. Обѣщалъ ему помощь и Ягайло, литовскій князь, и Олегъ, который помнилъ еще опустошеніе своего края и не думалъ, чтобы нашелся человѣкъ, который совладаетъ съ Мамаемъ. Переправляясь черезъ Волгу, Мамай говорилъ князьямъ своимъ: «Обогатѣете вы рускимъ золотомъ»; а когда дошелъ до рѣки Воронежа—-сказалъ своимъ: «Не пашите хлѣба: готовьтесь на русскій хлѣбъ».

Въ августѣ узналъ Дмитрій, что идетъ на него Мамай, и пробовалъ-было онъ посылать къ Мамаю съ миромъ; писалъ, что будетъ платить выходы по ихъ уговору прежнему, а выходы тѣ были меньше древнихъ. Мамай же требовалъ древнихъ выходовъ, и не уладились они. Потомъ, помолясь Богу передъ иконою Богоматери, позвалъ брата своего двоюроднаго, Владиміра Андреевича, и воеводъ русскихъ и сказалъ имъ: «Братія! пойдемъ противъ окаяннаго сего безбожнаго и нечестиваго и темнаго сыроядца, Мамая, за правовѣрную вѣру христіанскую и за святыя церкви и за всѣхъ младенцевъ, и старцевъ, и юношей, и за всѣхъ христіанъ». И послалъ онъ стражу твердую, Родіона Ржевскаго, Василія Тупика, и иныхъ къ рѣкѣ тихой Соснѣ языка добыть, истинное хотѣніе Мамая узнавать, и послалъ грамоты по всѣмъ городамъ звать князей и людей русскихъ на брань съ Мамаемъ. Скоро явились и стражи; привели языка. Языкъ сказалъ, что царь точно идетъ на Русскую землю, только не торопясь: ждетъ-де Олега, чтобы быть на русскіе хлѣба. На Успеньевъ день назначилъ Дмитрій собраться всѣмъ въ Коломнѣ, чтобы осмотрѣть полки и распредѣлить ихъ между воеводами. Пришли къ нему тогда князья бѣлозерскіе, ярославскій, ростовскій и иные. Передъ отходомъ изъ Москвы зашелъ Дмитрій въ монастырь св. Троицы просить благословенія у св. Сергія и молилъ его св. Сергій отслушать литургію. Было это августа 18-го на память св. Флора и Лавра; по отпускѣ же литургіи молили св. Сергій съ братіею великаго князя вкусить святаго хлѣба. Князь же не хотѣлъ оставаться: со всѣхъ сторонъ приходили къ нему вѣсти, что татары

приближаются, а Сергій сказалъ: «Замедленіе это будетъ поспѣшливо; тебѣ, князь, много лѣтъ носить вѣнецъ отъ побѣды, а многимъ здѣсь стоящимъ плетутся вѣнцы нетлѣнные». Князь остался; когда же всталъ онъ отъ трапезы, Сергій окропилъ его св. водою и положилъ на чело Дмитрія крестное знаменіе и сталъ говорить ему Дмитрій: «Дай мнѣ, отче, два старыхъ мниха воеводы отъ полку своего и тѣми намъ пособишь». Спросилъ Сергій: «О комъ говоришь, господине»? Отвѣчалъ Дмитрій: «о брянскихъ боярахъ Пресвѣтѣ и Ослябѣ». Преподобный велѣлъ имъ готовиться и далъ имъ вмѣсто тлѣннаго оружія нетлѣнное: крестъ Христовъ, нашитый на схимѣ, и, передавая ихъ великому князю, сказалъ: «Вотъ мои оружники, а твои излюбленники», а потомъ сказалъ имъ: «миръ вамъ, братія, постраждите, какъ добліе воины Христовы».

Возвратясь въ Москву, Дмитрій обошелъ всѣ соборы, помолился у гроба св. Петра въ соборѣ Успенскомъ и у гроба родителей въ Архангельскомъ и 22-го августа, на память Агаѳоника и Лупна, двинулся изъ Москвы. Когда выходила рать, великая княгиня Евдокія и княгиня Владимірова и другія княгини и воеводскія жены со слезами провожали мужей своихъ на брань. Простилась Евдокія съ государемъ своимъ великимъ княземъ и въ слезахъ не можетъ слова вымолвить. Князь же великій не заплакалъ только народа ради и, утѣшая жену, говорилъ: «Аще Господь по насъ, то кто можетъ на ны зло помыслить»? И возвратились жены въ свои терема, а князь Дмитрій сѣлъ на своего любимаго коня, а за нимъ и всѣ сѣли на коней. Солнце играло и вѣялъ тихій вѣтеръ, когда они выѣзжали изъ Москвы. Взялъ съ собою Дмитрій 10 купцовъ гостей сурожскихъ (былъ городъ Сурожъ, при устьѣ Дона), чтобы повѣдали потомъ въ дальныхъ странахъ его подвигъ.

Отпустилъ Дмитрій Владиміра Андреевича брашевскою дорогою; а бѣлозерскихъ князей болвановскою; самъ же пошелъ на Котлы. Потому не пошли они одною дорогою, что всѣмъ нельзя было помѣститься. Княгиня же Евдокія взошла въ то время съ другими княгинями и воеводскими женами въ свой набережный теремъ златоверхій, сѣла подъ южнымъ окномъ и сказала: «Уже въ послѣдній разъ смотрю на тебя, великій князь», залилась слезами и начала молиться: «Господи! призри на меня, смиренную, сподоби видѣть государя своего. Дай, Господи, ему помощь, да побѣдитъ противныхъ. Не дай, Господи, погибнуть оставшемуся христіанству. У меня, горькой, двѣ отрасли: князь Василій, да

князь Юрій: но они еще малы. Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здорову, то и земля здорова ихъ будетъ и они во вѣки царствуютъ».

Пока Дмитрій собирался въ походъ, въ Новгородѣ сошлось вѣче у святой Софіи, и говорятъ мужи новгородскіе: «Уже намъ, братіе, на помощь не поспѣть къ великому князю Дмитрію, уже какъ орлы слетѣлись со всей Русской земли, съѣхались дивные удальцы, храбрыхъ своихъ пытать». Такъ и не пошли новгородцы на помощь.

Августа 28-го, въ середу, на память св. Моисея Мурина, выѣхалъ князь Дмитрій въ Коломну. На рѣчкѣ на Сѣверкѣ встрѣтили его многіе воеводы и ратные люди; въ городскихъ воротахъ встрѣтилъ его епископъ Герасимъ съ крестами и молитву сотворилъ: «Спаси, Господи, люди своя и благослови достояніе свое».

На утро рано велѣлъ князь выѣхать всѣмъ въ поле и сталъ уряжать полки. Взялъ къ себѣ въ полкъ бѣлозерскихъ князей съ воинствомъ ихъ: были они удалы и мужественны; правую руку далъ брату своему, Владиміру Андреевичу, и далъ ему ярославскихъ князей съ воинствомъ ихъ, а лѣвую руку—князю Глѣбу брянскому; передовой полкъ—Дмитрію Всеволожу холмскому. Урядивъ полки, пошелъ помолиться въ церковь и сказалъ Герасиму епископу: «Благослови меня, отче, идти противъ татаръ» и благословилъ Герасимъ и его, и все его воинство.

Пойдя изъ Коломны, сталъ Дмитрій у рѣки Оки, гдѣ пала въ нее рѣчка Лопасня. Сюда пришелъ къ нему воевода его Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ, съ тѣми полками, что остались въ Москвѣ. Выслушавъ тутъ разныя вѣсти, велѣлъ Дмитрій переходить черезъ Оку-рѣку; только заповѣдалъ каждому полку: «кто идетъ по Рязанской землѣ, пусть ничего не касается и ничего не возьметъ, ни единаго волоса». И велѣлъ счесть свою силу и насчитали болѣе 200,000 человѣкъ.

Когда узнали въ Москвѣ, что великій князь переправился черезъ Оку въ Рязанскую землю и идетъ на бой, всѣ начали скорбѣть и сѣтовать, и говорить со слезами: «Почто пошелъ за Оку, если и вернется самъ, сохраненъ Божіею милостію, то все-таки многіе бѣдные падутъ отъ полка его!»

Когда Дмитрій стоялъ въ двадцати-трехъ верстахъ отъ Дона, пришли къ нему послужить два брата Ягайловы, Андрей и Дмитрій, и много помощи они оказали великому князю.

Послалъ князь великій въ степь Семена Мелика съ нѣсколькими удальцами—посмотрѣть, гдѣ теперь Мамай. Вернулись они скоро и привели съ собою языка и сказали: что Мамай не спѣшитъ, ожидаетъ помощи отъ Олега и отъ Ягайлы. Спросилъ князь: «Много-ли у него войска?» они отвѣчали: «Многое множество».

Тогда призвалъ Дмитрій Владиміра Андреевича, князей и воеводъ своихъ и спросилъ: «Биться-ли на этой сторонѣ Дона или переправиться на ту сторону?» и встали князья литовскіе и сказали: «Останемся здѣсь,—войско русское будетъ слабо; а если перейдемъ на ту сторону—будетъ оно крѣпко и мужественно; ибо всѣ въ животѣ отчаятся, смерти съ часу на часъ ожидая, и тогда одолѣемъ татаръ и будетъ слава и тебѣ, и намъ; а если погибнемъ, то общею смертью умремъ: не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ; кого хочетъ того и милуетъ». Дмитрій, помолясь, сказалъ: «Братія! честная смерть лучше худой жизни, лучше было не ходить на татаръ, чѣмъ придти и ничего не сдѣлать. Пойдемъ же черезъ Донъ и тамъ положимъ свои головы за святую церковь и за всѣхъ христіанъ»—и велѣлъ сдѣлать мосты черезъ Донъ. Когда же переправились, онъ велѣлъ тѣ мосты сломать.

Войско остановилось при устьѣ Непрядвы на Куликовомъ полѣ (Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда). Передъ этимъ опять считали войска, и со всѣми пришедшими насчитали 400,000 человѣкъ. Собралось на томъ мѣстѣ множество волковъ и выли они каждую ночь. Храбрые только утверждались въ мужествѣ своемъ, и слабые начинали унывать. Вороны и чайки слетѣлись отовсюду, и орлы прилетѣли отъ устьевъ Дона, и лисицы собрались всѣ, какъ-будто ждали дня грознаго, Богомъ назначеннаго, когда падетъ много труповъ человѣческихъ. Наступила ночь на Рождество Богородицы. Въ тотъ годъ осень стояла долгая, дни были свѣтлые, солнечные; ночи тихія и теплыя.

Съ князьями литовскими пришелъ воевода Дмитрій Боброкъ, родомъ изъ земли Волынской; всѣ знали его и уважали за мужество. Онъ-то пришелъ къ великому князю и сказалъ: «Если хочешь, то когда наступитъ глубокая ночь, я покажу тебѣ примѣты, чтобы заранѣе зналъ, что̀ будетъ». Дмитрій согласился и когда наступила глубокая ночь, выѣхали они на поле Куликово и стали между двухъ ратей, и обратясь къ татарской рати, слышали стукъ и кликъ великій, какъ-будто базаръ идетъ, какъ-будто городъ строятъ, или въ трубы трубятъ; сзади страшно выли волки, а направо слышенъ былъ

крикъ птицъ и біеніе крылъ ихъ на рѣкѣ Непрядвѣ. Волынецъ спросилъ великаго князя: «Что ты слышалъ?» Отвѣчалъ Дмитрій: «Страхъ и грозу великую слышалъ». И сказалъ ему волынецъ: «Обратись, князь, на войско русское». Онъ обратился — тамъ было все тихо. Спросилъ волынецъ: «Что слышалъ?» Отвѣчалъ Дмитрій: «Ничего не слыхалъ; только видѣлъ, какъ отъ множества огней зари занимаются». И сказалъ волынецъ: «Благодари, князь, св. Богородицу и чудотворца Петра и всѣхъ святыхъ: огни — знаменіе добра; молись и не оскудѣвай въ вѣрѣ. Есть у меня и другая примѣта». Прилегъ онъ на землю правымъ ухомъ, лежалъ долго, всталъ и поникъ головою. Сталъ спрашивать его Дмитрій: «Что, братъ Дмитрій, скажи мнѣ!» И не хотѣлъ онъ сказать, а князь все его упрашивалъ. Онъ же заплакалъ; князь великій ужаснулся и спросилъ: «Братъ, Дмитрій, скажи: сильно болитъ у меня сердце». Дмитрій началъ утѣшать и отвѣчалъ ему: «Скажу одному тебѣ, ты же никому не разсказывай—двѣ вѣсти: одна — на великую радость, другая—на великую печаль. Припалъ я къ землѣ и слышалъ, что плачетъ земля съ двухъ сторонъ горько и страшно: на одну сторону плачетъ будто жена и кричитъ татарскимъ голосомъ о своихъ чадахъ, бьется и льетъ слезы рѣкой; а на другую сторону дѣвица плачетъ свирѣльнымъ голосомъ въ скорби и печали великой. Много я былъ въ бояхъ и примѣты тѣ испыталъ. Уповаю на милость Божію: ты побѣдишь татаръ, а воинства твоего христіанскаго падетъ многое множество». Заплакалъ Дмитрій. «Воля Господня да будетъ! воли Его кто можетъ противиться?» и обѣщалъ никому не разсказывать объ этомъ видѣніи. Много было и другихъ видѣній въ этотъ день. Всѣ готовились къ страшному бою. Мудрено-ли, что каждый по своему толковалъ разныя примѣты?

На другое утро, при восходѣ солнца, была сильная мгла и лежала та мгла до девяти часовъ утра и стала убывать. Владиміра Андреевича и волынца послалъ Дмитрій съ запаснымъ полкомъ вверхъ по Дону, въ дубраву, и сталъ уряжать полки. Ратники, надѣвъ доспѣхи, стали на полѣ Куликовѣ на устьѣ Непрядвы. Поле то велико и чисто и отлого къ рѣкѣ. Князь Дмитрій, пересаживаясь съ коня на конь, объѣзжалъ полки и говорилъ: «Возлюбленные отцы и братія! Господа ради и Пречистыя Богородицы и своего ради спасенія, подвизайтесь за православную вѣру и за братью нашу. Всѣ мы, отъ мала до велика, братья: всѣ внуки Адамовы, всѣ— одинъ родъ и племя; у насъ одно крещеніе, одна вѣра, одинъ Богъ,

Господь нашъ Іисусъ Христосъ; умремъ за него, за святыя церкви и за братій нашихъ!» Услышавъ слова эти, всѣ прослезились.

Потомъ пришелъ князь подъ свое черное знамя и сѣлъ на коня. Снялъ онъ съ себя царскую свою одежду и позвалъ любимца своего, Михаила Андреевича Бренка, велѣлъ ему сѣсть на своего коня, надѣлъ свою одежду и повелѣлъ возить передъ нимъ свое знамя. Тогда пришли къ нему посланные отъ Сергія и принесли письмо, въ которомъ было написано: «Да поможетъ тебѣ Богъ и Пречистая Богородица и святый чудотворецъ Петръ». А съ письмомъ былъ хлѣбецъ Пречистой Богородицы. Дмитрій взялъ и съѣлъ тотъ хлѣбецъ и прочелъ молитву: «Велико имя Пресвятой Троицы: Пресвятая Госпожа Богородица, помогай намъ! Тоя молитвами и святаго Петра чудотворца, Христе Боже! помилуй и спаси насъ отъ басурманъ, на насъ вооружившихся». И велѣлъ полкамъ выступить.

Въ полдень сходились русскіе полки у устья Непрядвы. Вдругъ татары сошли съ горы и стали стѣною: не было имъ мѣста разступиться и стояли одинъ рядъ татарскій за плечомъ у другого; копья передняго ряда были короче, у задняго длиннѣе. Страшно было смотрѣть, какъ шли двѣ великія рати на кровопролитіе, на скорую смерть. Мамай съ пятью своими князьями остался на горѣ, чтобы видѣть, какъ пойдетъ бой. Прежде всего начали съѣзжаться передовые полки русскіе съ татарскими. Самъ князь Дмитрій былъ сначала въ передовомъ полку, потомъ возвратился въ большой полкъ. Когда обѣ силы были близки одна къ другой, изъ татарской рати вышелъ огромный ростомъ богатырь, широкій въ плечахъ и мужественный. Всѣ боялись его и говорили другъ другу: «хорошо какъ бы кто-нибудь вышелъ противъ него», да никто не выходилъ.

Тогда Пересвѣтъ, инокъ троицкаго монастыря, бывшій въ міру великій витязь, сказалъ великому князю и князьямъ: «Не смущайтесь! великъ Богъ нашъ и велика крѣпость его. Я хочу съ помощію Божіею съ нимъ перевѣдаться». Всѣ отвѣчали и говорили: «Помоги ему, Боже, молитвами Пречистыя Твоей Матери и всѣхъ святыхъ, какъ древле Давыду на Голіаоа». И ударились богатыри крѣпко, такъ громко и сильно, что земля потряслась и пали оба на землю мертвы и кони ихъ пали тогда.

Наступилъ первый часъ пополудни и великій князь сказалъ войску. «Братія! уже время намъ пить чашу; мѣсто это намъ будетъ гробомъ за вѣру христіанскую и за всѣхъ христіанъ». И сошлись обѣ силы великія на бой, и была сѣча зла и крѣпка, и лилась кровь

какъ вода, и падало много мертвыхъ, и татаръ и русскихъ; падало тѣло христіанское на тѣло татарина, а тѣло татарское на тѣло христіанское, и смѣшивалась кровь татарская съ христіанскою. Всюду лежало множество мертвыхъ и не могли кони ступать по мертвецамъ и многіе убиваемы были не оружіемъ, а умирали подъ конскими копытами, задыхались отъ великой тѣсноты: на полѣ Куликовомъ нельзя было вмѣститься всему собравшемуся войску. Пѣшая сила русская сломилась, какъ дерево; была скошена, какъ сѣно; страшно было смотрѣть. Христіанское же воинство билось, не ослабѣвая; но, по Божьему попущенію, начали одолѣвать татары, и многіе изъ князей, бояръ и воеводъ, какъ дерева клонились съ землѣ, и самого князя великаго, Дмитрія Ивановича, сбили съ коня: онъ же перемѣнилъ коня, и этого убили татары и самого князя ранили. Дмитрій, раненый, вышелъ изъ боя и легъ подъ дерево, вновь срубленное, которое и скрыло его своими вѣтвями. Тогда уже убили и Михаила Андреевича Бренка. . . . .

Прошелъ второй часъ и потомъ третій; татары всюду одолѣвали. Тогда Владиміръ Андреевичъ, сидя въ дубравѣ, сказалъ волынцу: «Какая, братъ, польза отъ нашего стоянія и кому мы пойдемъ помогать, когда всѣ христіанскіе полки лежатъ мертвые?» И сказалъ ему волынецъ: «Бѣда князь, великая: пришелъ на насъ за грѣхи наши гнѣвъ Божій; и еще не время намъ выходить, подождемъ немного и будемъ молить Господа, да пошлетъ побѣду на супостаты». Князь Владиміръ, поднявъ руки къ небу, началъ молиться. Когда же они хотѣли выходить, поднялся сильный вѣтеръ имъ въ лицо; волынецъ сказалъ: «Богъ воспрещаетъ намъ выходить на бой». Всѣ плакали; онъ самъ заплакалъ.

Въ концѣ третьяго часа вѣтеръ перемѣнился; тогда волынецъ сказалъ Владиміру: Господинъ князь! насталъ часъ, приблизилось время». А войску сказалъ: «Господа, отцы, братія, чада и други! подвизайтесь; настало время благое, сила Святаго Духа помогаетъ намъ», и всѣ кинулись на врага. Татары дрогнули и побѣжали, говоря: «Горе намъ! христіане насъ перехитрили: лучшихъ и удалыхъ князей и воеводъ спрятали и неутомленныхъ выпустили на насъ, когда и мечи наши устали и кони оцѣпенѣли, и оружіе иступилось». Самъ Мамай побѣжалъ; много татаръ было избито, другіе потонули въ рѣкѣ; русскіе гнались за ними до Мечи и даже до становъ ихъ, и нашли здѣсь большія богатства. Возвратясь, князь Владиміръ Андреевичъ сталъ на костяхъ и увидѣлъ множество рус-

скихъ избіенныхъ: всюду протекли кровавыя рѣки. Сталъ онъ искать великаго князя и нигдѣ не находилъ его; бился головою и терзался отъ печали. Велѣлъ трубить: сошлись оставшіеся въ живыхъ. Владиміръ спрашивалъ ихъ: «Не видалъ ли кто великаго князя Дмитрія Ивановича, брата моего?» Одни говорили, что видѣли, но сильно раненаго, въ трупахъ; другіе видѣли его сильно бьющагося и бѣжащаго; третьи—окруженнаго четырьмя татарами и бьющагося съ ними. Князь Стефанъ Новосильскій сказалъ: «Я видѣлъ его идущаго съ побоища, пѣшаго; онъ былъ сильно раненъ; помочь ему не могъ, потому что за мною гнались три татарина».

Тогда Владиміръ Андреевичъ, собравъ всѣхъ, сказалъ: «Господа и братія, сыновья и друзья! поищите прилежно великаго князя Дмитрія Ивановича. Кто найдетъ его живымъ, то говорю вамъ неложно, если славенъ и честенъ, еще прославится; если же будетъ изъ простыхъ и убогихъ, даже изъ нищихъ, то будетъ первый богатствомъ; честію и славою возвеличится». И разошлись всѣ искать по лѣсу; два костромитянина, Ѳедоръ Морозовъ, да Ѳедоръ Холоповъ, уклоняясь въ правую сторону дубравы, нашли князя, едва дышащаго, подъ новопосѣченнымъ деревомъ. Сошедши съ коней, они поклонились ему; потомъ пошли къ Владиміру Андреевичу и сказали, что великій князь живъ. Владиміръ тотчасъ же сѣлъ на коня и, пріѣхавъ къ дереву, сказалъ: «Братъ мой милый, великій князь Дмитрій Ивановичъ! ты древній Ярославъ, ты новый Александръ! Но прежде всего слава Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери и великому чудотворцу Петру и святымъ чудотворцамъ Борису и Глѣбу и всѣмъ угодникамъ Божіимъ за то, что невидимою помощію Божіею побѣждены татары и милость Божія возсіяла на насъ». Князь великій едва могъ выговорить: Кто это говоритъ и что это за слова?» Владиміръ сказалъ: «Я, братъ твой Владиміръ Андреевичъ». Дмитрій едва могъ встать; доспѣхъ его весь избитъ, но смертельной язвы нигдѣ не нашлось. Бился онъ впереди всѣхъ. Много говорили ему князья и воеводы: «Господинъ князь! не становись впередъ биться, но становись назади или въ крылѣ, или гдѣ въ другомъ опричномъ мѣстѣ». Онъ же отвѣчалъ имъ: «Какъ скажу—подвизаемся, братія, на враговъ, а самъ буду стоять назади и лице свое скрывать! Не могу этого сдѣлать, а хочу прежде всѣхъ начинать и словомъ, и дѣломъ, и прежде всѣхъ сложить голову свою за вѣру Христову и за всѣхъ православныхъ». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: прежде всѣхъ началъ биться съ татарами, и

обступили его татары и справа и слѣва, какъ вода, и много били и колотили его по головѣ, и по плечамъ, и по утробѣ; но Богъ спасъ его. Былъ онъ крѣпокъ и силенъ; тѣломъ великъ, широкъ и толстъ борода и волосы у него были черные, взглядъ быстрый. Когда онъ понялъ, что ему говорили, тогда сказалъ: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!» Сѣлъ на коня и съ радостію затрубили на полѣ боя.

Потомъ, отдохнувъ, похвалилъ онъ ратныхъ и пошелъ осматривать поле. Мало осталось вокругъ него и видѣлъ онъ тѣла мертвыхъ, лежащія грудами. Нашелъ на трупы князей бѣлозерскихъ: были они мужественны и крѣпки, и умерли одинъ за другого. Нашелъ тѣло Пересвѣта и близъ него богатыря татарскаго, и сказалъ Дмитрій: «Видите, братіе, побѣдилъ подобнаго себѣ, отъ кого многимъ пить бы горькую чашу!» И много еще убитыхъ было въ тотъ день. Когда стали считать войско, оказалось только сорокъ тысячъ, а пришло всѣхъ четыреста тысячъ человѣкъ, и велѣлъ князь разобрать убитыхъ своихъ отъ татаръ, и велѣлъ похоронить убитыхъ и пѣть по нихъ панихиды, а живымъ сказалъ: «Господа мои, отцы, братія и сыновья, благодарю васъ за такой подвигъ. Вамъ подобаетъ служить, мнѣ—васъ жаловать. Когда Богъ дастъ, пріѣду въ Москву: тогда всѣхъ васъ пожалую».

Когда Дмитрій возвращался, и въ Коломнѣ и въ Москвѣ встрѣчали его съ честію, со крестами и иконами. Отдохнувъ, онъ поѣхалъ поклониться святому Сергію и благодарить его.

Олегъ бѣжалъ изъ Рязани; только Сергій помирилъ его съ великимъ княземъ. Ягайло вернулся съ дороги, услыхалъ о пораженіи, а Мамай былъ убитъ въ Кафѣ (Ѳеодосіи, въ Крыму) новымъ ханомъ Тохтамышемъ.

Послѣ этой побѣды еще сто лѣтъ татары считали насъ своими данниками; еще иногда являлись они и даже жгли Москву (при Тохтамышѣ); еще князья наши ѣздили кланяться въ орду; но русскій народъ понялъ, что уже можно биться съ татарами и татары стали менѣе страшны. Скоро и самое царство ихъ распалось и части его, одна за другою, стали доставаться русскому государству.

Теперь татары народъ смирный,—торгуютъ халатами и мыломъ, и приносятъ пользу государству, какъ и всѣ другіе его народы.

Изъ этого разсказа видно, почему до-сихъ-поръ жива въ памяти людей битва Куликовская и отъ какихъ бѣдъ она насъ избавила.

См. на оборотѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Марта 1891 года.

Типографія Товарищ. „Общественная Польза“, Больш. Подъяч., д. № 39.

Какъ надо жить, чтобъ бѣду избыть. II изд. Ц. 2 к., съ пер. 5.

Какъ надо жить, чтобы добро нажить. II изд. Ц. 8 к., съ пер. 10.

Чтенiе для народа. Одобр. У. К. М. Н. Пр. Н. П. Столпянскаго. 2-е тщательно просмотр. изд., (съ 11 рис.) Ц. 12 к., съ пер. 15.

Пища человѣка. Ц. 7 к., съ пер. 10.

Разныя полезныя свѣдѣнiя. II изд. Ц. 7 к., съ пер. 10.

О мукѣ и хлѣбѣ. Сост. Шмулевичъ. Ц. 10 к., съ пер. 15.

Четыре разсказа о полезныхъ и вредныхъ животныхъ:

I. **О насѣкомыхъ,** вредныхъ для полей и лѣсовъ. Ц. 10 к., съ пер. 15.

II. **О насѣкомыхъ полезныхъ и вредныхъ для человѣка и его хозяйства.** Ц. 10 к., съ пер. 15.

III. **О ядовитыхъ и не ядовитыхъ змѣяхъ.** Ц. 10 к., съ пер. 15.

IV. **О землетрясенiяхъ и горахъ огнедышащихъ.** С. Г. Лапченко. Ц. 10 к., съ пер. 15.

О русской землѣ. С. Максимова. 6 изд. Ц. 8 к., съ пер. 10.

О русскихъ людяхъ С. Максимова. Ц. 6 к., съ пер. 10.

Мерзлая пустыня, или повѣсть о дикихъ народахъ, кочующихъ съ полуночной стор. Россiи. С. Максимова. V изд. Ц. 11 к., съ пер. 15.

Дремучiе лѣса, или разсказы о народахъ, населяющихъ русскiе лѣса. С. Максимова. V изд. Ц. 9 к., съ пер. 15.

Степи, или разсказы о народахъ, кочующихъ по степямъ съ полуденной стороны Россiи. С. Максимова. 4 изд. Ц. 9 к., съ пер. 15.

Волга и ея значенiе для Россiи. Сост. Адел. Шиле. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Русскiя горы и кавказскiе горцы. С. Максимова. IV изд. Ц. 8 к., съ пер. 10 к.

Механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ, соч. И. Ремезова, изд. IV. Ц. 10 к., съ пер. 15.

Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, соч. И. Ремезова. Изд. II. Ц. 10 к., съ пер. 15.

Курскiй Астрономъ и самоучка Семеновъ. Ремезова. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Начатки. Приготовленiе къ христiанскому ученiю въ вопросахъ и отвѣтахъ, приспособленное къ дѣтскому возрасту. Ц. 25 к., съ пер. 35.

Очерки ученiя Христiанской вѣры. Пособiе къ усвоенiю истинъ вѣры, изложенныхъ въ пространномъ христiанскомъ катехизисѣ, законоучителя 1-го Военнаго училища, Протоiерея Заркевича. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Христiанское ученiе. Золотова. Ц. 15 к., съ пер. 25.

Уроки по закону Божiю (въ 32-хъ урокахъ), для первоначал. обученiя. II-е исправленное и дополненное изд. Сост. священникомъ Люперсольскимъ. Ц. 25 к., съ пер. 40.

Объясненiя богослуженiя православной Церкви: Сост. Иванъ Недешевъ. Одобрено особ. отд. Учен. Ком. Мин. Н. П. Изд. VI. Ц. 30 к., съ пер. 45.

Краткая священная исторiя. Ветхiй и Новый Завѣты. Н. Ушакова Изд. VII. Ц. 4 к., съ пер. 7. Новый Завѣтъ объясненъ по двунадесятымъ праздникамъ.

Святая церковь и ея принадлежности. Медвѣдскаго. III изд. Ц. 6 к., съ пер. 9.

Объясненiе значенiя обрядовъ при совершенiи семи святыхъ Таинствъ православной Церкви. Изд. III. Ц. 10 к., съ пер. 15.

Духовныя стихотворенiя разныхъ сочинителей: Ломоносова, Державина, Капниста, Мерзлякова, Ѳ. Глинки, и проч., съ замѣчанiями объ ихъ жизни. Собр. В. Золотовымъ. Ц. 20 к., съ пер. 30.

Пятьдесятъ четыре разсказа изъ священной исторiи Ветхаго Завѣта, служащiе поясненiемъ къ 54 картинамъ въ 16 долю листа. Сост. В. Золотовымъ. II изд. Ц. 15 к., съ пер. 25.

Пособiе къ доброму чтенiю и слушанiю слова Божiя въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Смарагдова. III изд. Съ картою земли. Обѣтов. и путешеств. Св. Павла—Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20.

Ученiе Господа нашего Iисуса Христа о молитвѣ и о путяхъ къ блаженству. Ц. 5 к., съ пер. 7.

Святая Земля во времена земной жизни Господа нашего Iисуса Христа. Ц. 8 к., съ пер. 10.

Русская святыня Ц. 10 к., съ пер. 15.

